

ИЭК

1952

ПРАВДА»

(1306) 15 ИЮНЯ 1952

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

амен. В сквере собрались студенты города Владимира. Сидят (слева направо) Юлия Водина, Людмила Минеева, чья Сибирева из пединститута; стоят студенты химического техникума Юрий Сергеев и Людмила Панкратова.

Фото В. Евграфова

...фронтальной промышленности, готов по гидротехническим сооружениям и другим от промышленности, 15 тысяч ономов. Впервые начнут вать в школах 70 тысяч ов.

...скому студенчеству совершенно незнакомы те опасения, владеют умами студентов-инженерских стран. Там ком ожидают дня, когда покинуть учебное завоевывать пороги в поисках. Вот с какой речью обра-выпускникам один из про-ов в США:

...научили вас многому. Но что самым полезным для является искусство чистить. Времена плохие, друзья для филологов и для ин-в...»

...ники наших вузов знают, среди их ждет увлекательная любимой Отчизне ране хочется привести отрывисма комсомолки Зинаи-оенковой, студентки одно-анспортных вузов:

...терпением жду того дня, поеду работать туда, где нас, молодых специалистов. В достояние приму участие в зном строительстве ком-а, которым занят весь со-народ».

...с. На подготовку каких листов было обращено в ие годы особое внимание? . Значительно расшири-дготовка энергетиков, гид-

По сравнению с прошлым годом из стен институтов выходит на одну треть больше геологов, увеличивается выпуск горных инженеров.

Серьезней, чем когда-либо, в минувшем учебном году была поставлена практическая подготовка молодых специалистов. Организуя производственное обучение студентов, в институтах и университетах руководствовались указанием товарища Сталина: «Нам нужны такие специалисты... которые были бы сильны не только теоретически, но и по своему практическому опыту, по своим связям с производством».

Вопрос. В какие районы страны направляются выпускники?

Ответ. Значительное число молодых специалистов едет в районы Урала, Восточной и Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии, на Украину. Большой отряд выпускников начнет трудовую жизнь на великих стройках коммунизма — Волго-Донском канале, строительстве Сталинградской, Куйбышевской и Каховской гидроэлектростанций, на трассе будущего Туркменского канала. Многие воспитанники институтов направляются на машиностроительные заводы, в сельское хозяйство.

Вопрос. Как будет проходить в этом году прием в высшие учебные заведения?

Ответ. Прежде чем ответить на этот вопрос, хочется подчеркнуть,

В дни экзаменов

Экзамен по русскому языку в 6-м классе 366-й мужской средней школы Москвы. На снимке: учителя Е. И. Симакова, Л. Г. Чернов и директор школы Н. М. Взоров. Отвечает ученик Витя Сининенков.

Фото О. Кноррига

В широко распахнутые окна 366-й московской мужской средней школы легкий ветерок вносит свежий аромат молодой листвы и цветов из Сокольнического парка. В школе тоже повсюду цветы: в коридорах, в классах, на подоконниках, на столах. В классах царит торжественная тишина: идут экза-

русскому языку, журнал, экзаменационный лист, на разграфленной странице которого слева ряд фамилий, а против них, справа, клетка для отметок.

К столу подходит Витя Сининенков. Он отвечает на вопросы экзаменационного билета. Немного торопится, но говорит четко, уверенно. Паузы Григорьевич внима-

«круг знаком
Человек пр
миллионы е
мало думал
Жизнь текла

И вот на ч
гряющая, с
с приглашен
выборами в
ний, с высту
аплодисмент

Человек ст
за ее преде
циалистичес
Сталинской

Как о нем
нитости? В
какие обыч
ми о знаме
остался таки
был раньше

Говорить
счастливых
ожиданного
У нас так за
почета, пол
вознагражде
чилось иначе
порядки!

Придумат
читателя во
ми? Вряд л
человека т
сюжет.

Нет, не б
ванием сюж
вые слова
ростное изл
та. Она про

ные ночи АЛИХОН АНОВОЙ

Я. ФОМЕНКО

Фото Р. Шарипова

Юлия

го советского че-
эка мало кто знал
вст. Колхоз, семья,
пожалуй, и весь

лет, честно, как и
нников, трудился,
не был тщеславен.

ке пришла слава —
азетах и журналах,
и конференции, с
жественных собра-
чами под дружные
письма.
ей стране и далеко
звание Героя Со-
затем лауреата

сать, как о знаме-
ет ни одной черты,
с представления-
в популярным, он
и скромным, каким

ги и необычности
жизни? Ничего не-
го не произошло.
достойные славы и
ругое как законное
енно, если бы слу-
страна, такие в ней

может, чтобы увлечь
ами» и «развязка».
Жизнь, труд этого
ть, — это и тема и

лову над придумы-
выискивать кудря-
не сетует на бесхит-
е нарочитая простот-
им материалом.

рафин

шка вошла в класс.
ице были и смуще-
кажем прямо, страх.

ослые люди. И ни
ими учеников назвать
ые младшие из них
а большинство — на
и года старше. Два-

ла, что говорил ди-
он очень мало:

икам, так же корот-

ельница. Познакомь-

о вышел.

ягостного молчания.
думанные бессонной
из головы. Юная учи-
тубетейки и устрем-
за. Много глаз. В них
насмешку, сожаление

Первая мысль была
уйти, повернуться и уйти,
сказать, что она не го-
дится в учителя взрос-
лым, что она готовилась
учить детей. Ей хотелось
убежать, а ноги не пови-
новались. Как во сне,
всплыло спасительное
слово директора: «По-
знайтесь». Плохо со-
знавая, педагогично это
или нет, она стала рас-
сказывать о себе.

Собственный голос по-
казался чужим, когда
девушка произнесла
свое имя. Зовут ее
Алияхон. Родилась в
Ташкенте, в Старом го-
роде. Матери не помнит.
Мать умерла через три
дня после родов...

Никто не перебивал
Алияхон. Глаза, только
что выражавшие на-
смешку, засветились со-
чувствием.

Алияхон подошла бли-
же к первым партам. Оказывается, она может
и говорить и двигаться. Ей уже не было так
страшно, как минуту назад.

Подойдя вплотную к переднему ряду
парт — так ей виднее был класс, — Алияхон за-
говорила намного спокойнее и более складно.

Учиться ей было не легко. Спасибо брату:
помогал, поддерживал.

После семилетки Алияхон поступила на сель-
скохозяйственный рабфак и одновременно за-
нималась на педагогических курсах. Ей очень
хотелось стать учительницей.

О многом Алияхон не сказала. Она говорила
о старике-учителе, преподавателе биологии.
Как он увлекательно вел занятия! Биология
всегда будет самым любимым предметом
Алияхон. Она говорила о своих подругах. Но
ничего она не сказала о том, что была одной
из лучших учениц на рабфаке и на курсах, что
старый учитель часто ставил ее в пример дру-
гим, поручал готовить к занятиям диаграммы
и рисунки: Алияхон слыла художницей.

Ничего не было сказано и о том, как очу-
тилась Алияхон в кишлаке Наиман. А произо-
шло это просто. После окончания курсов она
и еще одна девушка получили направление на
практику в Коканд. Подруга осталась в Кокан-
де, Алияхон же назначили в сельский район.
Робкая, застенчивая девушка почувствовала
себя одинокой. Старый учитель остался в Таш-
кенте. Подруги разлетелись в разные стороны.
С кем посоветуешься? К кому обратишься за
поддержкой?

Помощь пришла сама собой. Случайно прак-
тикантку встретил редактор местной районной
газеты, уроженец кишлака Наиман. Беседа с
ним приободрила девушку. В кишлак Алияхон
ехала в приподнятом настроении. Сидя на вы-
сокой арбе, она нетерпеливо вглядывалась в
даль, боясь пропустить момент, когда из-за
тополей и тутовника покажется здание школы.
Она представила картину: класс, входит моло-
дая учительница, дети встают, звонко отвечают
на приветствие...

Ничего этого не оказалось. Школу Алияхон
увидела, когда подъехала уже к ее дверям.
Никто не поднялся, когда она вошла.

Нежные побеги тутовника идут на выкормку только что родившихся шелкопрядов. Алияхон Султанова бережно снимает молоденькие листики.

Биографию свою Алияхон рассказала в не-
сколько минут. Собственно, какая там биогра-
фия? Только начало.

Снова наступило молчание. Как было бы хо-
рошо, если бы сейчас прозвенел звонок. Во
время перерыва она соберется с мыслями.

Звонка не слышно. А может быть, его и не
будет? Но ведь она находится в классе не
больше пятнадцати минут. Какой же перерыв?
Надо вести урок. Надо!

И тут с Алияхон произошло то, что бывает
с человеком, который, долго простояв в нерешительности у студенной воды, бросается на-
конец в обжигающую холодом реку и вдруг
чувствует, что мускулы напряглись, дыхание
выровнялось, сердце заработало исправно, и
человек плывет легко и свободно, радостно
ощущая тепло собственной крови.

Голос Алияхон уже не дрожал, когда она за-
говорила о том, чему будет учить сидящих
перед ней людей. Родной язык, математика,
география, биология... Она поведет своих уче-
ников трудной дорогой познания, откроет не-
известные им пока законы грамматики и чи-
сел, познакомит с неведомыми странами, мо-
рями, океанами, горными хребтами, народами,
городами, научит понимать природу.

Куда девались робость и смущение?

Перед затихшим классом стояла настоящая
учительница, и хотя ей насчитывалось не боль-
ше лет, чем самому младшему ученику, в гла-
зах слушателей она была не просто молодень-
кой девушкой, а наставницей, наделенной все-
могущей силой знания. А самой учительнице
казалось, что перед ней сидят дети, именно та-
кие, каких она мечтала учить, когда сама еще
сидела на школьной скамье.

С этого дня ведет свое начало учительский
стаж Алияхон.

Это было в 1936 году. В те годы в Узбе-
кистане в школы валом повалили все, кто по
разным причинам не мог раньше учиться. За
партой сидело много переростков, а пятый
класс, где дебютировала юная учительница
Алияхон, целиком состоял из них.

Алияхон часто вспоминает свой первый урок.
Она держала тогда самое важное в ее жизни

За выкормкой гусениц надо непрерывно и внимательно наблюдать.

испытание. Это был экзамен на право учить, проверка ее призвания. Всей душой она поняла, что может быть педагогом, должна им быть!

После практики Алияхон осталась учительницей в той же школе, где прошел первый урок. Круг ее обязанностей быстро расширился и вышел далеко за пределы классных комнат. Кончив занятия, Алияхон спешила на комсомольские собрания, а потом, получив задание, шла в колхозные бригады и звенья. Затем райком комсомола, обком — всюду надо успеть. По ночам она сидела за книгами, штудировала Мичурину.

К обязанностям педагога и комсомолки-активистки вскоре добавились новые: Алияхон стала матерью. Она вышла замуж за Саттарали Султанова, работника сельсовета. В 1939 году появился первый ребенок — быстроглазая Сабахон.

В 1946 году, через десять лет после первого урока в школе кишлака Наиман, Султанова взялась за дело, неизмеримо раздвинувшее рамки ее профессии. Оставаясь учителем сельской детворы, она создала свою «школу» шелководства.

Как это было

Ферганскую долину часто называют жемчужиной Средней Азии, а еще чаще — долиной белого золота. Хлопок тут лучший в мире.

Но разве только хлопком богата земля Ферганского оазиса? Авиноград? А урюк? А миндаль? А полезные ископаемые в окружающих

ся из грены — мельчайших яиц, откладываемых бабочкой тутового шелкопряда. Исстари, в доколхозную эпоху, грена «оживлялась» теплом... человеческого тела. Мешочки с греной клали за пазуху. С весны и до глубокой осени женщины были заняты выводкой шелкопряда. За пазухой грена превращалась в живую гусеницу на двенадцатые сутки. Можно представить, на какую жизнь обрекались люди, занятые подобным «производством»!

А кто стоял у чанов, где парились коконы? Те же женщины и девочки-подростки. С утра до вечера они помешивали палками зловонную жижу, отыскивали концы шелковины и наматывали ее на специальные колеса. Легко ли вручную вытянуть из кокона нить длиною свыше полутора километров и в несколько раз более тонкую, чем человеческий волос?!

Вместе с колхозами на выручку женщинам-шелководам пришли культура, наука, высоко-развитая техника. Грена стала «оживляться» искусственным теплом. На шелкомотальных фабриках появились запарочные агрегаты и другие машины. На смену кустарщине пришла индустрия. Колхозные шелководы получают теперь оживленную грену из инкубаториев, а собранные коконы сдают государственным организациям. Решительный и полный переворот в организации и технике шелководства неузнаваемо изменил условия труда и жизни людей, особенно женщин.

Почему и каким образом скромная сельская учительница Алияхон Султанова стала одновременно и знаменитым шелководом?

Долгое время Алияхон наблюдала работу своей свекрови. Наблюдала отнюдь не из презренного любопытства. Как биолог, Султанова

все возражения. Школа отнюдь не была занята. Нет, Алияхон сумеет и занятия вести и кормить гусениц. Дети? Свекровь поможет. Раньше Алияхон помогала Шарипатой ухаживать за шелкопрядами, теперь бабушка возьмет на себя часть забот о внуках. Алияхон хочет, чтобы ей дали звено и, как полагается, три коробки грены.

Вопреки ожиданиям Султановой возражений не последовало. Наоборот, и председатель колхоза и секретарь парторганизации благожелательно отнеслись к ее инициативе и предложили помощь в оборудовании помещения.

Началась выкормка. Все шло хорошо. Алияхон была довольна. Правда, ее нозоведения многих насторожили, особенно стариков. Все звенья на первых трех стадиях попрежнему выносили гусениц в плетеных корзинах на солнце, а Султанова с первого же, самого нежного возраста держала гусениц в закрытом помещении на стеллажах. Ново, непри-вычно и рискованно!

Что еще она сделала? В наставлениях говорилось, что кормить шелкопряда надо при 26 градусах тепла. Алияхон повысила температуру на один градус. Корм давала и днем и ночью.

Гусеницы развивались быстрее, линяли, как по команде, ели с большим аппетитом. В пятом возрасте они стали такими прожорливыми, что звено не успевало доставлять корм. Вся семья Султановых, включая мужа, Саттарали, и маленькую Сабахон, была мобилизована на заготовку тутового листа. Алияхон проводила бессонные ночи в наблюдениях за ростом и поведением гусениц.

Результаты были неожиданными даже для самой Султановой. Период выкормки длился у нее 30 дней вместо обычных 40—42. Выход коконов с одной коробки грены — 86,2 килограмма, тогда как у большинства звеньевых он не превышал 40 килограммов. Успех, можно сказать, был головокружительный, ошеломляющий! Скептики приумолкли. Наиболее

ва, насчитыва-
ет 3 человека
этого периода
этого колхоза
ей в баланс
габе района,
стан? А если
первоначаль-
ности во все
этого Союза?
превращался
вального мас-

кишлак Наи-
онных ночах
нчен. В тем-
И наблюдать
Алияхон по-
подозревая,
искривали на
сь попасть в
ени они были
ценным, а на
были актив-
откормочном
ановой было
эт падал рав-
омки. Шелко-
найден еще
ельно управ-

установила в
Топилась она
ота — поддер-
ру. Это было
о попадалось
ания темпера-
лезная печка
исправила ее
несмотря на
ги были снова
ормки сокра-
й поднялся до

ну выкормки.
новую экспе-
рискованную,
кнениями, но
ивной предпо-
иперед! Алия-
си, потому что
у была сложе-
а не дровами.
о температуру
авив прошло-
ила на новый
еще на один
од, а только
стов развития
сто килограм-
ся еще на два

ултанова опять
а которых шел-
ивит вертикаль-
р друг от дру-
отехническими
людения. Шел-
ыло спаренных
коконы очень
49 года, после
орядок расста-
етила, что спа-
о.

ю, опыт Султа-
ызвал и сомне-
полз слух, что
и, чем положе-
Ташкента. Труд-
у него, однако
рядно! И пора-
жно. Была про-
на до единсго
ям происходила
и членов прав-
дня и три ночи
спал, хрономет-
л, наблюдал, а
згать.

езда представи-
рмки у Алияхон
В 1951 году, ко-
проверка всего
кратился еще на
период выкорм-

ки — 22 дня, урожай — 113,3 килограмма. Из Самарканда, с фабрики, пришел блестящий отзыв о качестве: 93 процента коконов — высший сорт, 7 процентов — первый.

В ноябре 1951 года Алияхон пережила такое волнение, какого никогда не переживала — ни в тот день, когда впервые очутилась лицом к лицу с усатыми учениками, ни в часы, когда явилась в правление колхоза со своим предложением. Ей показалось сначала, что сердце у нее остановилось. Потом оно заколотилось тревожно и радостно. Когда муж, Саттарали, поздравил ее, она не нашлась, что ответить, и только смотрела на него счастливыми, посветлевшими от избытка чувств глазами.

Алияхон знала, что представлена к званию Героя Социалистического Труда, ждала вести из Москвы, верила и не верила, надеялась и сомневалась, готовилась спокойно встретить и одобрение и отклонение ходатайства местных организаций. Но разве могла она теперь сдерживать волну счастья, нахлынувшую на нее? Неужели это правда? Да, правда! Вот ее поздравляют Гульсиной Кабилова — председатель колхоза, Абдулла Марупов — ее бывший ученик, теперь агротехник по шелководству, Тургуной Азизова, Эргашой Эрнazarова, Хасиятой Мадраимова — ее последовательницы и соратницы...

День пронесся в каком-то полубытьи, Алияхон точно не помнит, что она говорила, когда ее поздравляли. Когда она пришла наконец в свое обычное состояние, в окна забрезжило утро. Она не заметила, как прошла ночь и наступил новый день.

Весна 1951 года прошла как-то особенно быстро. Может быть, потому, что работалось, как никогда, хорошо? Не легко, нет. Именно хорошо, с подъемом, с увлечением, хотя занята Алияхон была буквально круглые сутки. Она не чувствовала усталости. Еще с большим интересом она вела занятия в школе. Во вре-

мя перерывов между уроками обязательно заходила проверить, как идет выкормка шелкопрядов. Опыты ее в шелководстве усложнились. Султанова варьировала температуру по возрастам и периодам линьки, повысив ее до 29—31 градуса. А это требовало неусыпного внимания и просто физической выносливости: день и ночь надо было вести наблюдение.

Алияхон устроила себе жесткую постель, чтобы не засыпать крепко. Ребенок служил ей будильником. И еще была одна забота. В состав звена она приняла Алтинису Мадраимову. В другом звене у Алтинисы не ладилось дело, а тут пошло как по маслу. Сказались влияние и опыт звеньевой. Алияхон искренне радовалась успехам своей ученицы.

О результатах выкормки шелкопряда в 1951 году мы уже говорили. Метод был подтвержден окончательно.

В 1952 году Алияхон Султанова стала лауреатом Сталинской премии.

На этом можно было бы закончить рассказ об одной из замечательных женщин нашего советского Востока, если бы не было еще одного очень важного обстоятельства. Алияхон Султанова — учительница. Алияхон Султанова — один из лучших в Советском Союзе шелководов. Но Алияхон Султанова помимо этого — мать шестерых детей: троих сыновей и трех дочерей. Кроме шестиклассницы Сабихон и второклассника Мухтарджона, страстного любителя копаться в папином мотоцикле, есть в семье Султановых маленькие Назирхон, Уктамхон, Валиджон и совсем еще маленький Алишер. Родители надеются, что самый младший сын будет поэтом. Но будет ли долго он самым младшим? Очень уж искренне и настойчиво все друзья желают Алияхон стать матерью-героиней.

Алияхон Султанова со своими детьми.

Соратник Ленина и Сталина, стойкий революционер и антифашистский трибун, Г. М. Димитров все свои силы, всю энергию пламенного борца отдал делу рабочего класса, делу мира и демократии, делу коммунизма. Его героическая жизнь — вдохновляющий пример беззаветного служения народу. Прогрессивные люди всех стран чтят его память и учатся на блестящих примерах его революционной борьбы. Народ горячо любимой им родины — Болгарии — под руководством Болгарской коммунистической партии с честью продолжает начатое им дело. В день похорон Г. М. Димитрова от имени всего болгарского народа товарищ Вилко Червенков дал торжественную клятву: «Построение социализма в нашей стране будет самым лучшим памятником Георгию Димитрову...».

... (во вто-
вовой ре-
еди чле-
систского
03 год).

олгарского
Товарищи
ов во вре-
1923 го-
Г. М. Ди-
товки вос-

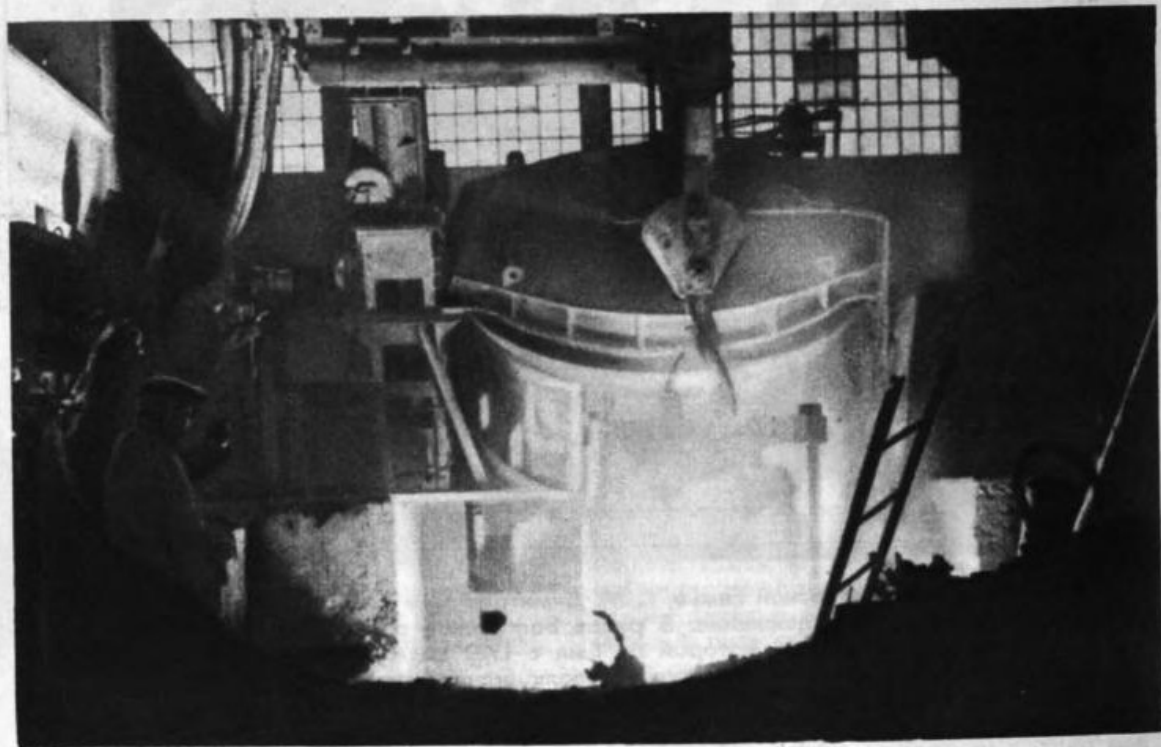

В дни лейпцигского процесса (1933) Георгий Димитров стал знаменосцем борьбы против фашизма и империалистической войны. Его героическое поведение на суде, организованном гитлеровцами, сорвало маску с фашистских провокаторов и подняло на борьбу с фашизмом новые миллионы трудящихся во всем мире. Речи Г. М. Димитрова на лейпцигском процессе — образец последовательного пролетарского интернационализма. В них неразрывно слиты пламенный патриотизм, горячая любовь к самой передовой стране в мире — Советскому Союзу, верность великому учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

На снимке: тов. Г. М. Димитров задает вопросы свидетелю на лейпцигском процессе.

тивные хозяйства, носящие имя любимого вождя.

Достойным памятником вождю болгарского народа будет успешно строящийся город молодости — Димитровград. На снимке: архитектурный проект центральной части города.

Льют сталь на машиностроительном заводе имени Димитрова в городе Димитрово (б. Перник).

Письмо болгарским друзьям. Ученицы 163-й московской школы ведут переписку с болгарскими школьниками. На снимке: ученицы 10-го класса «А» пишут письмо в Болгарию.
Фото И. Тункеля

Корабли идут по каналу

По новой водной магистрали идут караваны грузовых судов.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Специальные корреспонденты «Огонька»

На рейде, у входа в Волго-Донской судоходный канал, стоят десятки судов: буксирные теплоходы, самоходные баржи, катера, яхты. Они ждут, когда перед ними распахнутся металлические ворота шлюзов и можно будет двинуться по новой водной магистрали. Вслед за буксирным теплоходом № 306, первым вошедшим в канал со стороны Волги, шлюзы уже приняли теплоход «Академик Павлов», теплоход № 303 и многие другие суда.

Наш теплоход направляется с рейда в шлюз № 1. Справа и слева видны берега, облицованные бетонными плитами, камнем и гранитом. Под сенью высаженных лип, акаций и кленов день и ночь толпятся люди — сталинградцы любуются каналом, оживленно провожают речные корабли, уходящие с Волги к Цимлянскому морю.

На крутом берегу величественно поднимается скульптура вождя. Проплывая у ее подножья, речные корабли салютуют зодчему коммунизма.

Вот и гигантская триумфальная арка. Архитекторы и скульпторы завершают ее оформление. Густая тень от арки ложится на палубу. Капитан командует: — Самый тихий!

Теплоход осторожно входит в железобетонную камеру шлюза. Сейчас, когда уровень внешних вод в Волге очень высок, первое шлюзование проходит быстро и незаметно: могучая река сама вошла в шлюз, заполнила его.

Опускается затвор в верхней части шлюза, и теплоход неторопливо движется вдоль каменных берегов, проплывает под автомобильным мостом и проходит к историческому месту, где 31 мая соединились две могучие русские реки — Волга и Дон.

Затем судно минует легко и свободно перекинутый через канал светосеребряный железнодорожный мост и останавливается перед воротами второго шлюза.

Начальник второго шлюза Евгений Анненков, недавно окончивший Ленинградский институт инженеров водного транспорта, приказывает вахтенному принять речной корабль. В башне управления шлюзом вахтенный, сидя за пультом управления, нажимает кнопку, и тогда плавно раскрываются створы металлических ворот. Теплоход входит в камеру. Даже находясь на палубе, нужно резко запрокинуть голову, чтобы увидеть бетонные края огромной камеры.

Матросы швартуют судно к пловучим рымам — стальным поплавкам, вделанным в особые желоба. Эти желоба установлены вертикально в шлюзе.

Вахтенный нажимает другую кнопку. В верхней части шлюза поднимается массивный затвор, и бушующая масса донской воды

врывается в просторную камеру. Напор воды так силен, что пенистые валы могут повредить судно. Но на пути грохочущих потоков стоит бетонный «экран-гаситель»: он принимает на себя весь удар Дона, и в камеру попадает уже успокоенная, тихая вода. На

теплоходе даже не чувствуешь качки.

Вода прибывает. Теплоход поднимается все выше и выше. Вот показалось и солнце. Капитанская рубка теперь на уровне парапета. Видны приплюснутые строения, деревья, автомобильная дорога, песчаные высоты Ергеней, каменные дома Красноармейска.

Когда уровень воды в камере шлюза поднялся почти на 10 метров, вахтенный нажимает еще одну кнопку, и стальной затвор опускается в глубокую нишу. Теплоход, поднявшись на новую ступень, выходит в канал.

Так, «перешагивая» со ступени на ступень по шлюзам «Волжской лестницы», судно «забирается» на высоты Ергеней. Где-то далеко внизу видны широко разлившаяся Волга, рейд, зеленые острова, идущие белоснежные теплоходы.

Оживает канал пяти морей. Перекликаются гудками суда. Бьют склянки. Пенятся волны. Горят по ночам огни буйев, береговой сигнализации и маяков.

Ночь на 10 июня. Теплоход № 306 миновал 13-й шлюз и подошел к причалам Калачевского порта. Экипаж теплохода торжественно встречает незабываемый момент: судно прошло весь путь от Волги до Дона и выплыло из русла канала на простор Дона.

Скоро на магистраль, связывающей пять морей, откроется нормальная навигация. Пойдут корабли с металлом, углем, нефтью, хлебом, цементом, машинами. Поплывут комфортабельные пассажирские суда.

И вот новая победа на Волго-Доне: 6 июня, в 9 часов 30 минут, Цимлянская гидроэлектрическая станция дала промышленный ток. В светлом, просторном машинном зале заработала первая турбина. Могучие воды Цимлянского моря вращают стальные лопасти рабочего колеса. Ток Цимлянской ГЭС идет на заводы и фабрики, на оросительную систему, в колхозы. Начинается широкая электрификация Дона.

Волго-Дон вступает в строй, работает на благо нашей Родины.

«Полный вперед!» — командует молодой капитан Григорий Жердев. Теплоход уходит все дальше и дальше по каналу.

К 16-летию со дня смерти
А. М. Горького

ОДНА ГОРЬКОВСКАЯ ЗАПИСЬ

Летом 1929 года Алексей Максимович Горький приезжал в гости к ленинградцам. Он побывал на заводах, в школах, типографиях и во Дворце культуры за Нарвской заставой. Здесь, во Дворце, хранится сделанная им запись. На фасаде светлосерого здания у самых Нарвских ворот и сейчас сверкают позолотой незабываемые горьковские слова:

«Работе таких очагов культуры я желаю силы, которой обладает огонь, превращая железную руду в сталь. Точно так же, как из стальной массы руки рабочих создают швейную иглу, перо для писателя, резец и сложнейшие машины, так же рабочий класс должен создать из плоти своей мастеров и художников культуры».

С тех пор в этом очаге культуры, носящем имя Горького, побывало свыше пятидесяти миллионов советских людей, многочисленные зарубежные делегации. В стенах Дворца звучали пламенные речи выдающихся деятелей коммунистической партии и Советского государства М. И. Калинина, С. М. Кирова, происходили выездные сессии Академии наук СССР.

В вечерний час мы встретили во Дворце людей разных профессий и возрастов. Тут были и старики, штурмовавшие Зимний в 1917 году, и молодые рабочие-новаторы, и веселая детвора с красными галстуками.

Кабинет производственно-технической пропаганды. Токарь-скоростник лауреат Сталинской премии В. Трутов рассказывает о своем конструкторском опыте. Такие встречи — обычное явление во Дворце. Совсем недавно здесь посещал лекции и занимался на курсах конструкторов слесарь Кировского завода П. А. Зайченко. Ныне он лауреат Сталинской премии, автор первоклассных станков.

В одной комнате готовятся к предстоящим занятиям в политкружке, в другой — слушают лекцию «Советская наука и техника на сталинских стройках».

В танцевальном зале, кинотеатре, библиотеке, гостиной — всюду людно.

На сцене главного зала последние приготовления к спектаклю. Сегодня премьера пьесы С. Алешина «Директор». Роль директора исполняет инженер-проектировщик А. А. Барский, роль парторга ЦК ВКП(б) — директор Колпинского завода Г. В. Иноземцев.

Мы поднялись на другой этаж. Свыше тысячи пионеров и школьников занимались в драматическом, кукольном, хоровом, музыкальном, хореографическом кружках.

Нам показали сотни детских писем. На конвертах почтовые штампы более чем сорока городов страны. Это ребята благодарят пионеров детского морского клуба Дворца культуры имени Горького, разославших чертежи «Как построить яхту». Когда мы вошли, здесь были заняты изготовлением новых чертежей.

С тех пор как Алексей Максимович Горький оставил свою запись в первом Дворце культуры Советского Союза, в городах и селах страны отстроены сотни дворцов и домов культуры, в которых воспитываются, по словам Горького, мастера и художники культуры.

К. ЧЕРЕВКОВ

Звезда
ОГОНЬКА

Оригинальная доска прикреплена к стене особняка на Кривоколенном переулке.

Фото Я. Рюмкина

В 1952 году, в годовщину со дня рождения гения русской литературы Александра Сергеевича Пушкина в Москве состоялось торжественное открытие памятной доски. Мраморно-бронзовые памятные доски барельефом поэта и пять московских домов, в которых жил, стал своим бессмертным произведением А. С. Пушкина, где он встречался со своими друзьями.

На Кривоколенном переулке, в особняке, сохранившем московские писатели, ученые, и пионеры. На торжестве принимали также великого поэта Григорьевича Пушкина праправнуки — Борис Борисович и Борисович Пушкин — члены Комсомолец, члены московских технических институтов, участники Великой Отечественной войны.

Вечером дня. Поэт Сергей Дмитриевич Меркуров — близкому другу Пушкина П. А. Вяземскому, в 1826—1832 годах часто бывал Александр Сергеевич.

актеры Художественного театра В. Качалов, В. Лужский, А. Вишневский читали сцены из «Бориса Годунова».

— Великий поэт живет с нами, в сердце каждого из нас, советских людей, — сказал И. Новиков.

Вторая мемориальная доска была открыта на улице Немировича-Данченко: в помещавшейся здесь гостинице «Север» не раз останавливался поэт. В конце 1828 года здесь он читал историю М. Погодину поэму «Полтава».

В доме № 12 по Воронцовскому переулку Пушкин жил за год перед смертью, в мае 1836 года. Здесь он работал над материалами об эпохе Петра I. Записки Александра Сергеевича столет оставались неизвестными, и только советские пушкинисты в 1938 году прочитали и издали гениальные наброски незаконченного произведения. На улице Станкевича, в доме № 9, принадлежавшем в те годы поэту-критику, близкому другу Пушкина П. А. Вяземскому, в 1826—1832 годах часто бывал Александр Сергеевич.

— Этот светлый двухэтажный дом недаром называют «домом поэта». В нем

на, подготовленная Пушкинским домом Академии наук СССР.

В тысячах экспонатов — картинах, документах, цитатах, фотокопиях рукописей поэта — нашли отражение этапы его жизненного и творческого пути.

Облик гениального поэта запечатлен на рисунках его современников. Художники последующих эпох снова и снова возвращаются к бессмертному образу Пушкина. Он глядит на нас с полотен В. Тропинина, Н. Ге, И. Репина, В. Серова...

Образом великого поэта вдохновляются многие советские художники. Вот Пушкин читает послание «В Сибирь» М. Н. Волконской, жене декабриста (худ. В. Дрезина); вот поэт с женой на балу (худ. Н. Ульянов); Пушкин в Петербурге идет по площади, носящей ныне его имя (худ. Б. Щербаков). Широко представлены на выставке пейзажи, связанные с именем поэта.

Богатейшие уникальные коллекции Музея Пушкина — подлинники портретов современников поэта — пополнены новыми экспонатами. Интересна серия портретов друзей Пушкина, декабристов, их собственные рисунки. Идейная близость

Старшая пионервожатая Алла Сазыкина рассказывает звену историю Знамени Победы.

Фото Ю. Добронравова

книсты. Знамя металлургов они со славой пронесли по многим фронтам Отечественной войны. Танковая часть шесть раз упоминалась в приказах Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, была награждена орденами Суворова 2-й степени и Красного Знамени.

На протяжении всей войны между алапаевскими металлургами и танкистами шла деятельная переписка. Уральцы радовались каждой победе танкистов и, в свою очередь, радовали их превосходным металлом,

того цеха, который добывается за месяц и квартал наилучших показателей производительности труда.

Знамя Победы было у домеников и сталеваров, в сортопрокатном и листопркатном цехах. В праздничные дни его устанавливали рядом с исторической картой в заводском Дворце культуры. Комсомольцы и пионеры приходят во Дворец культуры, чтобы послушать беседы старших товарищей о бессмертных подвигах героев Отечественной войны.

О. МАРКОВА

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ МЕРКУРОВ

Умер С. Д. Меркуров — выдающийся и старейший мастер советской монументальной скульптуры, народный художник СССР, лау-

ниверситета и сооружений Волго-Донского канала. Со всем недавно у волжского входа в канал была установлена кованая из крас-

Ташкентский театр балета, им обелимент памятник поэту Алишеру Изделия из камня прочно в ташкентцев — в внимание покувлекают изящные приборы, настольные лампы.

Н.

Днепропетр металлургов — ра флагами художественно красочными городов и сел были на праздники коллективной сам По гранитам широкой дымчатой пята танцоров, музыкалистов из жинска. На с нах размести вы самодельный приятный Дн Кривоого Ро Марганца и дов, железнодорож, колхозов расшитых у башках, в бых и сини женщины — в юбках и блузентами и в вях цветов. гляньши, ормузики, нарментов. Областной ник поднят га открыл

В ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ!

Началось пионерское лето. Каждый день с московских вокзалов выезжают школьники на отдых в пионерские лагеря. На прошлой неделе в лагерь поехало более 250 детей рабочих и служащих завода имени Владимира Ильича. На снимке: на перроне Павелецкого вокзала. Родители провожают детей.

Фото К. Иванова

ик в Днепропетровске

мира и дружбы»; работница Сталиновского комбината И. С. Северина и ее подруга Т. И. Хоружа. Старейшая на Украине капелла бандуристов завода имени Дзержинского, занявшая переносное на республиканском смотре самодеятельности, снова с большим успехом выступала на празднике. Особенно богато было представлено на смотре хоровое искусство. Хорошо известен в республике хор колхоза имени Чкалова, Ново-Московского района; в его составе 15 Героев Социалистического Труда. Хоровые коллективы заводов Днепротровска и передовых колхозов исполнили песни о мирном созидательном тру-

де советского народа, о великих стройках коммунизма, о борьбе за мир, о творце народного счастья товарище Сталине.

Прекрасное зрелище представила массовая украинская пляска на зеленом поле стадиона, в ней приняло участие несколько сот человек.

Пять часов на стадионе продолжался концерт. Праздник закрылся выступлением мощного сводного хора, спевшего Гимн Украинской ССР. Но еще долго до поздней ночи в садах и парках Днепротровска звучали музыка и пение, продолжались массовые пляски.

Ив. БАТОВ

Слово о писателе

(К шестидесятилетию К. Г. Паустовского)

За что любит читатель Константина Паустовского, автора широко известных повестей о преобразователях природы — «Кара-Бугаз», «Колхида», «Повесть о лесах»? Паустовский — один из тех советских писателей, кто наделен пытливым интересом к жизни самых разнообразных уголков нашей Родины.

Получив воспитание в гимназии, в интеллигентной, образованной семье, Паустовский для того, чтобы стать писателем, со школьной скамьи пошел в «университеты жизни». В течение десяти лет он работал в народной гуще: был водителем и кондуктором трамвая, рабочим на металлургических заводах в Москве, в Брянске, Днепротровске, на шахтах в Сталино, на котельном заводе в Таганроге; будущий писатель был также преподавателем и журналистом. В рядах Красной Армии он воевал с петлюровскими бандами. В годы Великой Отечественной войны Паустовский был военным корреспондентом на Южном фронте.

Большой и сложный творческий путь прошел Паустовский. Он получил всеобщее признание как рассказчик. О его повести «Кара-Бугаз» высоко отзывались Максим Горький, Ромэн Роллан, Надежда Константиновна Крупская. Популярны его пьесы «Созвездие Гончих Псов», «Простые сердца», «Поручик Лермонтов», «Наш современник».

Паустовский — лирический писатель. Его произведения можно рассматривать как своеобразный лирический дневник нашего неповторимого времени. И так естественно, что именно Паустовский одним из первых оказался на великих стройках коммунизма и одним из первых опубликовал свою повесть о Волго-Доне «Рождение моря». В ней много познавательного материала, масса

деталей, которые, вероятно, забылись бы, но теперь останутся в памяти, сохраненные пером художника. Главное в этой книге — поэтический образ нашей

К. Г. Паустовский.

Родины, которая вся преобразуется, двигаясь к коммунизму. Она кончается, эта повесть, картиной того, как пароход идет из Батуми в Москву; и вот сменяются запахи (сначала это запах моря, потом — прибрежных ракушек и березовых рощ), переменяются краски — южные, северные; и при этом запекает человеческое сердце. «А что может быть прекраснее мужественного и открытого человеческого сердца? — восклицает художник. — Что может быть прекраснее человека, утверждающего своим трудом справедливость и счастье для своего народа и для всего человечества?»

Так в лирине у Паустовского выливается то, что составляет душу его как писателя: глубокий патриотизм, глубокая любовь к Родине.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Капелла бандуристов Днепродзержинского завода имени Дзержинского.

Фото Н. Козловского

риканские претенденты на мировое господство так же, как некоторые их германские предшественники, готовят новую мировую войну, с каждым днем усиливают фашистский проиэвол в своей стране. Наглядный пример этому дают жестокие расправы полиции с бастующими американскими рабочими.

Расправа с бастующими рабочими «Вестерн электрик компани» (США).

Сегодня кровавый «опыт» палача корейского и японского народов применен во Франции. Брошены в тюрьму секретарь Французской компартии Жак Дюкло и редактор «Юманите», талантливый писатель Андре Стиль. Полиция стреляет в демонстрантов и охотится за профсоюзными деятелями. В самом центре Парижа организован настоящий концентрационный лагерь — маленький «Кочжедо». Но кровь, пролитая на улицах Парижа и других городов Франции, не запугала

« Андрэ Стил среди рабочих типографии
ается боевая газета трудящихся Франции.
л-стрита не удастся найти даже малейших
о обвинения Андрэ Стиля. Несмотря на это,
мир, за национальную независимость, на-

Секретарь Французской компартии Жан Дюкло.
В письме, направленном из тюрьмы Эдуарду Эррио, Жан Дюкло писал,
что его арест произведен по приказу правительства «для того, чтобы от-
делаться от одного из руководителей оппозиции теми методами, которые
применял в Южной Корее Ли Сын Ман».

ПОСЛЕДНЯЯ БУРЯ

Рассказ

Илья КОТЕНКО

Рисунки О. Верейского

ей Горбачев, выпускник ремесленного училища, недели две тому назад прибывший на работу экскаватор Степана Карачанцева, внимательно следил за работой своего начальника, схватившись за спинку железного стула, в котором сидел перед пультом экскаватора. Сергей мысленно повторял все его движения и перечислял про себя: «Правая педаль — тормоза подъема, левая — тормоза тяги, рычаг — тяга и подъем, левый...»

Степан старался за несколько секунд раньше, чем двигался экскаваторщик, и, когда тот наклонялся вперед, пытаясь разглядеть лицо Карачанцева, смутно надеясь увидеть на нем одобрительную улыбку.

Сидя перед смотровым окном, виднелся заросший бурьяном канал и по обеим сторонам песчаные отвалы, которые, как цепь холмов, уходили далеко в степь. Когда экскаватор поворачивался вправо и по воздуху неслись поднятые землей комья, Сергей видел всю картину пригретые солнцем высоты, вытоптанные ногами суходол, белые мазанки хутора, в котором он теперь жил на квартире у колхозников, конюха, казачьи сторожевые курганы, вдали кружили орлы, и даже далекие, на горизонте гусиные перышки паровозного дыма.

В жарко. Сергей уже не раз поглядывал на часы. Степана чайник, стоявший на верстаке. Степан попросил Сергея стянуть с него рубашку, подставляя для этого то одну, то другую руку, чтобы не прекращать работу, и теперь в белой, с короткими рукавами

— Это что у тебя в степи? — спросил Карачанцев и не договорил.

Откинувшись всем телом назад, он мгновенно схватил ручку коллектора. Экскаватор вздрогнул и замер.

В нескольких шагах от них, около правого отвала, стоял огромный серый столб, неизвестно откуда взявшийся и уходивший вершиной в самое небо. Бешено втягивая в себя мягкую землю, он толчками пытался пробиться

окна мчалась, то опадая, то поднимаясь, как опара, песчаная метель.

— Степан Петрович! — снова сказал Сергей, поправляя налезшую на брови форменную фуражку. — Что это такое?

— Обыкновенная буря! — недовольно отозвался Антон и протянул к Карачанцеву руку, растопырив два пальца.

Степан достал пачку папирос, встряхнул ее и протянул Антону. Тот захватил одну из папирос. Затем Степан губами взял из пачки вторую папиросу и чиркнул спичкой.

Во всех этих как будто нарочито замедленных движениях Сергей уловил какую-то тревогу, желание скрыть беспокойство. «Будет Степан Петрович работать или нет?» — подумал он. Между тем Карачанцев, окутываясь дымком, неожиданно спросил:

— На посевах эта штука отражается?

Антон, разглядывая папиросу, покачал головой:

— Да-а! Твоей Насте достанется.

— При чем здесь Настя? При чем здесь моя?

— Ладно уж тебе! — махнул на него рукой Голубец. — Знаю, чем ты дышишь.

Сергей подумал, что сейчас Карачанцев резко повернется, сверкнет глазами, может быть, резко оборвет Антона, но Степан спокойно протянулся к лежащей на полочке спечковке, набросил ее на плечи и усмехнулся:

— Чудак ты! У нее ж, говорят, жених есть!

— Кто? — сердито отозвался Антон.

— Да этот, из эмтээс... Механик ремонтной бригады. Бывший, что ли?

Между тем...
лей. Стали хо...
щий к ним ко...
лось, в возд...
вытягивается...
жая на метлу...

И вдруг, ко...
ритму, а Ант...
барабанов, К...
Почти одновр...
стене. Сергей...
ду ему показ...
огромная эм...
понял, что эт...
всегда туго н...
на тело змеи...
Карачанцев...
ку, он крепко...

— На что э...
обычная!

Он прошел...
чом. Сергею...
лось, что в...
клубами пыл...
ца. Отшатнув...
тить ее и раз...
пана Петрови...
было в экска...
Сергей увиде...
пали песчаны...
по пояс погр...
от машины.

Сергей дог...
Степан стоял...
руки в карма...
бравшись в к...
то от камуфл...
Ее короткий...
зенной, толст...
стершийся, н...
фашистский...

— Значит...
ния сурово с...
ти? — Он кр...

всем затягивала и
падала к земле,
бою. И от этого в
снова темнело, и
то высоко проно-
ка и они то закры-

и ждут?! — тихо,
рачанцев.

приоткрыл окно,
ко секунд прислу-
спокойным, про-
ил ток.

начал набирать
светы земли по-
пался грунт, Сер-
снова повернулся
олзущий по земле
ре», — считал про
то Карачанцев ло-
набрать землю.
едной порыв бури
е был в воздухе.
, по расчету вре-
все это было де-
ить Степану и его
е и папирасы.

над самой зем-
отвалы и плыву-
аскрывался, каза-
пнель и к земле
кая полоса, похо-

привык к новому
койно возился у
улся в сторону.
ильно ударило по
в первую секун-
скаватор вползла
ее мгновение он
не прямой, как
бевший, похожий

Приподняв кеп-
чью волосы.
я?.. Нагрузка не-

ился на нее пле-
за ним, показав-
дверь вместе с
я-то черная пти-
успел перехва-
была келка Сте-
чанцева уже не
увшись наружу,
бились и вски-
фигура Степана,
олны, удалялась

у самого ковша.
глубоко засунув
наполовину взо-
жу пятнистая не
авчины гаубица.
землей, а на ка-
разглядел полу-
идимый черный

долгого молча-
— Опять на пу-
пробуют скаты
точно запреща-
закрывающей рукой

Голубец, захо-
о они стали от-

ь.
ец снял кубан-

ы были в ноч-

длостью смотря
чанцев. — Я же
именно сейчас

торщиков, по-
ь возвращает-
у надо было
вообще непо-
шина — и нет

нцев. — Дай-ка
ябым стану.

— На базу.

— Давай я пойду! — Голубец тронул небри-
тую щеку. — Мой недогляд — мне исправлять.

— Ты ведь просить будешь, а я требовать!
Карачанцев надел кепку козырьком назад,
по самые глаза обмотал лицо полотенцем, от-
чего стал похож на хирурга, подготовившегося
к операции.

— Степан Петрович! — Сергей тронул его за
руку. — Можно мне с вами?

— Унесет! — отмахнулся Карачанцев.

— А это еще неизвестно кого! — Сергей
сдвинул свои белесые брови. — Площадь со-
противления у меня меньше, и к земле я
ближе.

— Ишь ты! — Карачанцев поглядел на Ан-
тона. — Не нужен тебе?

— Пусть только обяжется!

Когда они снова вышли из экскаватора, буря
как будто поутихла. С трудом перевалив через
гряду отвалов, они попали на дорогу. Облизан-
ная ветром, протертая поземкой, она блестела,
как стальная. Через несколько шагов Сергей
обернулся и не увидел уже ни холмов, ни экс-
каватора. Зато, подняв голову, он увидел
солнце. Оно появлялось в разрывах пыльных
облаков, холодное, слюдяное, похожее на
луну.

— Давай за мной в кильватере! — крикнул
Карачанцев.

Мимо них волком проскочил куст перекати-
поля. Вместе с пылью летели навстречу какие-
то кусты, солома, травы. Один росток прилип
к груди Сергея. Сергей, сложив лодочкой ла-
донь, прихлопнул его, как кузнечика, и затем
стал разглядывать: зеленые жала еще были
совсем тоненькие, на белых волокнах кор-
ней висели комочки земли. Он догнал Кара-
чанцева и раскрыл перед ним кулак. Степан
Петрович осторожно посмотрел, повернув-
шись спиной к ветру, и крикнул:

— Понял? Озимая пшеница...

Сергей не заметил, как исчезла дорога. Те-
перь они шли по пахоте. Нет, это была не па-
хота! То здесь, то там в кипящей пыли трепе-
тали на ветру кустики озимых всходов.

Оглядываясь по сторонам, Сергей вдруг
увидел в стороне лежащего на земле чело-
века. Это было так неожиданно, что Сергей
невольно ухватил Карачанцева за спешку.
В следующую минуту он уже понял, что на
земле лежала Настя. Только она носила на ра-
боте такие щегольские хромовые сапожки с
отвернутыми голенищами, только у нее так
торчали из-под платка туго заплетенные и свя-
занные черным шнурком косички.

— Настасья Ивановна! — Карачанцев присел
и тронул Настю за плечо.

Настя подняла голову, машинально поправ-
ляя волосы. Лицо ее было незнакомым, серым,
с темными пятнами под глазами. Она внима-
тельно оглядела Карачанцева, затем Сергея и
пожала плечами:

— Что вам надо?

— Зачем вы здесь лежите? Вставайте.

— Здесь сто двадцать гектаров, — не слу-
шая Карачанцева, сказала Настя, деловито
встряхивая косынку и покрывая ею голову. —
Сеяли мы с четырнадцатого по пятнадцатое
августа, сортовыми семенами...

— Хорошо, Настенька! По дороге расска-
жете!

— ...тринадцатого марта дали подкормку на
всю площадь, — продолжала Настя, отводя его
руку, — затем пробороновали...

— Вот ты грех! — Карачанцев растерянно
посмотрел на Сергея. — Что будем делать?

Настя отряхнула бортики своего серого пид-
жачка, неожиданно закрыла ладонями лицо и
снова ткнулась в землю. Плечи ее запрыгали.

— Ну, вот и хорошо! — Карачанцев подмиг-
нул Сергею. — Орошение нужно и в этом деле.
Только что ж нам делать? Оставлять ее нель-
зя, ждать некогда.

Он по-мужицки плюнул на руки и, крикнув,
поднял Настю. «Как ковшом», — подумал Сер-
гей, выходя следом за Карачанцевым на до-
рогу.

Настя вытерла платком нос, и Сергей услы-
шал, как она сердито спросила:

— Слушай, шагающий экскаватор! Ты куда
меня несешь?

— Могу на край света.

— Поставь на землю.

— Нет!

— Это еще почему?

— Опять носом в борозду ляжешь?!

— Не твое дело! — Настя, пытаясь вырвать-
ся, уперлась ему в грудь руками и неожидан-
но усмехнулась. — Ты хоть глаза открой. Спо-
ткнешься!

Сергей отвернулся. «Можно было бы и опу-
стить ее, — думал он сердито. — Дойдет сама...
А то подумаешь: плакала, а через минуту
смеется». Никого, кажется, в эту минуту он
так не ненавидел, как эту маленькую, в хромо-
вых сапожках девушку. «Да и Степан Петрович
хорош, наверное, и про запасной трос забыл!»

В это время позади раздался хриплый сиг-
нал. Сергей отпрянул в сторону. Из пелены
пыли показался тупоносый радиатор и высо-
кая, крашенная в зеленый цвет фанерная
будка кузова. Машина стала, заскрипев тормо-

Открылась дверца, и из кабины вылез окий, коренастый парень. Ветер рванул его брезентового плаща. Придерживая серую кепку, он укоризненно покачал

секунд с удивлением смотрел на Сергея и бросил дверцу.

— Что случилось? — спросил он, застегивая пыльник.

лю Солёного озера наш опытный участник... моему, вы его тоже знаете...

— Это я помню! — Степан широко улыбнулся. — Это мы тогда здорово сделали.

Машина неожиданно стала. Сквозь свист ветра слышались голоса.

— Неужели Солёное? — спросила Настя.

Степан приоткрыл дверь. Сквозь пыль видны были кирпичная стена какого-то здания, электрический фонарь и шеренга комбайнов, стоявших под навесом.

— Скажи, какой вредный! — Настя всплеснула ладошками. — Все-таки в свою эмтээс привез!

Когда вслед за Настей и Карачанцевым Сергей вылез из машины, он увидел, что Степан стоит против Андрея, трогая его за пуговицу пыльника.

— Я думал, ты коммунист... — говорил он.

— Не ошибся...

— ...думал, коммунист и отличаешь общественное...

— Отличаю! Для того и привез тебя сюда.

— А мне на базу...

— До вашей базы сорок километров... Два часа езды туда-обратно. А у тебя экскаватор стоит!

— Ну?

— Что ну? Думаешь, мы здесь тяпки-лейки делаем? Тебе какого сечения трос нужен?

Сергей видел, как Карачанцев удивленно откачнулся, затем крепко потер себе лоб. Андрей постоял, словно ожидая еще что-то услышать. Усмехнувшись, он пошел к мастерским и, снимая на ходу пыльник, толкнул маленькую дверцу, вырезанную в больших двустворчатых дверях.

Сергей пошел следом за ним.

В мастерской было прохладно и тихо. Между станками на полу прыгали воробьи. «Давно обед?» — слышался в дальнем конце голос Андрея и затем снова: «Я забегу к директору, а ты мне, тетя Ньюша, найди кладовщика!»

Сергей стал ожидать появления тети Ньюши, которая пришла

Сергей то
нул:

— Степан

Затем они

рабочим по

Один из раб

жен «ежико

кой с толст

глазами. По

менную фур

— С шага

— Да.

— Везет

вой, критич

головы.

Немного

хотел уже

дорогу Сте

тельно смо

то ожидая,

— Ну?

— Что?

— Эх, ты

Настя пове

целовала А

Сергей А

Утро в деревне

Я. ВОХМЕНЦЕВ

При первых проблесках рассвета
В селе глухая тишина.
Лишь разговаривает где-то
Механизация одна.

Кругом поля. На вспашке пара
Огни блуждают до утра.
Колхозный сторож у амбара
По ним считает трактора.

Спокойно ждет земля сырая,
Когда исчезнет ночи мгла.
Заря, по небу простираясь,
Попутно облако зажгла.

Уже доярки у загонов
Встречают с ведрами стада.
Машина, полная бидонов,
Звеня, торопится туда.

Бессменно бодрствует динамо
С певучей сетью проводов.
Сегодня снова пилорама
Проснулась раньше петухов.

Визжит пила. И, слышу, вскоре,
Взмахнув решительно крылом,

Горластый кочет на заборе
Трубит курятнику подъем.

Клубится дым над каждым домом,
И окна заревом горят.
Мотоцикл под агрономом
Чихает двадцать раз подряд.

Теснятся ульи на телеге,
Готовясь к жизни кочевой.
Ранеток тонкие побеги
В саду выравнивают строй.

Лучистый день встречает флора
Во всей росистой красоте.
Пожарник ради кругозора
Стоит на должной высоте.

Цветет июнь — пора покоса,
Сгустилась пряная трава.
Ступая сбоку на колеса,
Садятся люди в кузова.

Ударив пылью в ребра тына,
Машины вышли из села.
И молодежь на тех машинах
С собою песни повезла.

Челябинск.

Сергей торопливо распахнул дверь и крикнул:

— Степан Петрович! Несут!

Затем они все вместе, даже Настя, помогли рабочим погрузить в машину тяжелый трос. Один из рабочих, тот самый, что был подстрижен «ежиком», оказался совсем еще мальчишкой с толстыми губами и светлыми озорными глазами. Поднимая трос, он покосился на форменную фуражку Сергея и спросил:

— С шагающего?

— Да.

— Везет же пацанам! — он покачал головой, критически осматривая Сергея с ног до головы.

Немного обиженный этими словами, Сергей хотел уже лезть в кузов, но ему загородили дорогу Степан, Настя и Андрей. Настя внимательно смотрела на Карачанцева, словно чего-то ожидая, и наконец повелительно спросила:

— Ну?

— Что? — отозвался Степан.

— Эх, ты! И поблагодарить не можешь?! — Настя повернулась и, чуть приподнявшись, поцеловала Андрея в щеку.

Сергей видел, как восхищенно хлопнул себя по коленям паренек-ежик, как пригладил рыжий ус другой, в кубанке, должно быть, кладовщик, и как покраснели и Андрей и Карачанцев. А Настя, вскинув голову, спокойно прошла к лесенке, бросив Степану:

— Это я за тебя! Ты ж, наверное, такой, что сроду не поцелуешь!

Затем они снова ехали в машине. Настя тихонько сидела в углу, перебирая бортики своего серого пиджачка. Карачанцев поглядывал на нее и то хмурился, то улыбался и подмигивал Сергею.

А Сергей старался ни на кого не смотреть и почему-то думал об Андрее, который остался у дверей мастерской. Через несколько километров машина стала, и Настя торопливо поднялась. «Опять задерживает машину!» — сердито подумал Сергей.

Настя отодвинула засов и открыла дверь.

— До свидания! — кивнула она головой и вдруг, куда-то вглядываясь, прижала к груди руки. — Боже ж мой! — протянула она. — Живые!

Следом за Настей и Карачанцевым прыгнул

на землю и Сергей, но ничего особенного не увидел. Около дороги покачивались на ветру до половины занесенные песчаными сугробами тонкие прутики акаций в молодой лесопосадке. Справа, на высотке, виднелся колодец и сбившаяся около него отара овец, а прямо зеленел совсем небольшой квадрат озимой пшеницы. По этому полю бежала Настя, оглядываясь, всплескивая руками и то и дело приседая.

Когда Сергей с Карачанцевым подошли к ней, она разрывала пальцами землю, осторожно вытаскивала из нее крохотный кустик с налипшими на корнях комочками земли.

— Живой! — бормотала она, разглядывая кустик, словно только что вылупившегося цыпленка. — Удержался? Ах ты, мой домосед! Не хотел покидать родную землечку? У-у! — Настя неожиданно подняла кулачок. — погоди, начнем всю землю поливать, ни одного кустика тебе не отдадим!..

Увидав стоящих над ней Карачанцева и Сергея, она поднялась и, поправляя разметавшиеся волосы, строго приказала:

— Езжайте! Я и так вам голову заморочила!

Не обращая больше внимания ни на Степана, ни на Сергея, прижимая к щеке кустик пшеницы, она пошла по полю, нагибаясь и внимательно рассматривая трепещущие на ветру всходы.

— Вот, брат, какое дело! — после долгого молчания сказал Карачанцев, когда они снова оказались с Сергеем в кузове и машина тронулась. — Да ты ведь, наверное, ничего не понял? — Карачанцев полез в карман, достал пачку, встряхнул ее, взял губами папиросу и, прикурив, продолжал: — Поле-то, обратил внимание, зеленое! Все ростки целые, даже такой ветер не мог сорвать их. А почему, знаешь? Поливали! Да, брат, поливали, даже мы с Антоном принимали в этом деле участие. Настини девчата пригласили. Правда, поливали ведрами, из колодца, так сказать, в порядке опыта. И вот получилось: неполивное погибло, а это целое... Понимаешь, какую веру люди почувствуют, когда увидят эти ростки!

Карачанцев внимательно посмотрел на Сергея.

— Ты вот, я чувствую, на меня обижаешься... Молчи, молчи, вижу... Правда, сегодня я,

может, не совсем ладно вел себя. Только я тебе скажу: хорошим экскаваторщиком будешь, когда не только узнаешь, что правая педаль — тормоза подъема, а левая — тормоза тяги... В жизнь, брат, надо вглядываться пошире, она к твоей квалификации многое прибавит...

Когда они подъехали к экскаватору, вокруг попрежнему проносились космы пыли, шевелилась земля, курились вершины отвалов.

У ковша возился Антон, обкапывая гаубицу. Он приветливо поднял руку и вместе с шофером ремонтной летучки, которого Сергей как-то и не разглядел до этого и который оказался высоким пожилым человеком в старой солдатской гимнастерке, стал менять трос.

Когда все было сделано и они собрались в экскаваторе, Карачанцев неожиданно приказал Сергею:

— Ну-ка, садись! — он указал глазами на пульт и первым полез на площадку, где стояло железное сиденье.

Сергей, чувствуя на себе взгляды Антона и незнакомого шофера, осторожно уселся, попробовал ногами педали, взял рычаги, заметно передохнул и, подняв голову, встретился с глазами Карачанцева. «Можно, давай!» — сказали эти глаза.

Загудели барабаны, трос натянулся, и Сергей увидел, как покорный его воле ковш, загребая и гаубицу и землю, пополз к экскаватору, затем он поднялся и понесся к отвалам. Точно в назначенном месте он остановился, и в это время Сергей почувствовал, как Карачанцев задержал его руку.

— Что? — облизнув пересохшие губы, спросил Сергей.

— Дальше давай!

— За отвалы?

— Совершенно правильно!

— Зачем?

— А затем, что нам такой строительный материал не подходит. Наша земля крепче чужого железа. Давай!

Покоряясь сильному и в то же время удивительно нежному и ласковому движению руки Карачанцева, Сергей чуть подался вперед. Ковш поплыл за отвалы и, на секунду задержавшись, разом открылся. Пыльная завеса прижалась в этот миг к земле, и хорошо стало видно, как, переворачиваясь в воздухе, падала с высоты черная гаубица. Пыльный след на одно мгновение протянулся от нее по воздуху, затем исчез и он, а в приоткрывшемся просторе Сергей увидел на миг и буровую вышку геологов и белую хату бригадного стана.

ром Б. Н. Косовским ишей операци. Профессорски заменил щенку верхчасть черепа пластинкойзначной пластмассы, прикрепй серебряными винтами к м. Собака легко перенесла операцию и, оправившись, аузает себя так, будто ничего произошло...

калуж, ни один орган не акает столь пристального ания советских биологов, как ной мозг человека, особенра его больших полушарий, лавенствующая роль в орме доказана великим русфизиологом И. П. Павловым учении о высшей нервной льности. Очень важно поайны коры, ибо от ее разависит наш труд, здоолголетие. В тонком, всешь в четверть сантиметра коры сосредоточено около мллиардов нервных клеток. о дирижер, управляет она частями нашего тела. И еслабевает ее внимание, то ередко приводит к заболем. Неожиданно выскакивают вые пятна фурункула, резыт желудок, к горлу подкат тошнота. Бывают и тяжелоражения: гипертония, язвадка или человек, совершендоровой, вдруг становится льным, и ему кажется, будипит в груди, покалывает в де, ломит поясницу. Недуг наступает, когда что-то наетяся в самом замечательном

ровать законы ее циркуляци по сосудам мозга. Постепенно глазам исследователя предстали безукоризненные приспособления, управляющие этими процессами; подобно заботливым хозяевам, они следят, чтобы к хрупким нервным клеткам всегда поступала кровь.

Вот собака мирно стоит в станке, и под пластмассовым черепом кровь плавно, без единого всплеска струится по сосудам, напоминая размеренное течение полноводной реки. Сердце, живой насос, гонит кровь резкими, отрывистыми толчками, как море накатывает волны на берег. Что же погасило прибой крови, ощущаемый нами как пульс? Она бьет в широкие сосуды и у самого входа в головной мозг, удаляясь в изгибы, становится спокойной. Оттуда уже укрощенные потоки бегут по сети снабжения мозга. При пульсации крови нервные клетки не смогут работать правильно.

Профессор Б. Н. Косовский вынимает винт, вставленный в центр прозрачной крышки черепа, и через отверстие проникает воздух. Мозг щенка отвечает бурно: он начинает ритмично подниматься и опускаться. Винт водворяют на прежнее место — и вновь мы видим спокойную панораму. Это простое наблюдение кладет конец бушевавшему в науке триста лет подряд яростному спору: пульсирует ли мозг под черепом? Некоторые заявля-

буют кислорода. Мозг, лишенный этого важнейшего элемента в течение одной — полутора минут, выключается, и человек теряет сознание.

Ныне под прозрачным черепом видно, как действует мозг, когда ему не хватает живительного газа. Едва лишь собака переступила порог камеры со спертым воздухом, где кислорода мало, как сосуды расширились, и в них вошло крови вдвое, втрое больше обычного. Серия дополнительных, превосходно поставленных опытов разъяснила сущность этого поразительного явления. Мозг продиктовал организму безапелляционный приказ: весь кислород направить ему, только ему! Клетки других тканей повременят. Избыточная кровь свободно проникла в сосуды мозга и доставила нервным клеткам кислород.

И если мы подолгу сидим в жаркой, накуренной комнате, забывая, что пора открыть окно, кора, спасая нежные нервные клетки от повреждения, широко расширяет сосуды. Объем мозга увеличивается, он давит на прилегающую к черепу оболочку — голова тяжелеет, будто налили ее свинцом, и острая боль сигнализирует об опасности.

Диаметрально противоположное явление — перенасыщение крови кислородом — теперь тоже доступно наблюдению. Каждый раз, когда сердце стучит учащенно, кровь быстрее циркулирует по телу, забирая с собой чересчур много кислорода из легких. Казалось, нервные клетки

чит, что кровь устремлена к интенсивно действующим нервным клеткам, а другие работают приглушенно.

Утомленный продолжительным пребыванием в станке, щенок дремлет. Суживаются сосуды. Нервные клетки отдыхают, восстанавливают энергию.

И в нашем организме происходит подобный процесс. Но после глубокого ночного сна, едва мы открываем глаза, начинается неутомимая дневная деятельность нервных клеток. Кровь по очень тонким трубкам-капиллярам, сложным в причудливые узоры, — их длина достигает 120 километров! — снабжает мозг жизненно важными веществами.

Невероятно трудным было проследить за тем, как растут капилляры. Ученые, пытаясь разглядеть этот рост, проделывали тысячи опытов, но они оказывались тщетными.

Профессор Б. Н. Косовский, изучая под микроскопом тончайшие срезы мозга, обнаружил, как развиваются капилляры. Сперва появляется почка. От ее середины выходит разветвленный пучок отростков, похожих на щупальца. Почка, увеличиваясь, вытягивается, во все стороны ползут щупальца. Некоторые находят соседний сосуд, присасываются к нему, и по живой трассе поступают кровь.

Глубокая разведка в «планету сознания» ответила на многие вопросы. Почему, например, ребенок, который декламировал стихи, хорошо помнил имена своих

маленькая ленькой луже еще вожаком ки наемных он мечтал на ста тысяч се давало дост всадников и стигнув этого означает бо ни преуспел лое состоян природной л а все стоит из низших с ственной лед

Вот почему римлян у в Их четверо: юный Кай двое, супруги тят лично г городных го товленную Ложа устро возвышении, видеть, не п не поворачи бой уголок ны.

Батият са души — вые гут возлежа себя покой подать холс ленькие ваз ми, голубей что нужно, жажду или аппетит. П римлян от раба держе случай, есл утренняя п

сражениях был короткий, острый, как
и, слегка изогнутый нож «сика». Это пре-
шло гладиаторские бои даже больше,
частью «ретнариев», бойцов сети и тре-
Теперь щит и латы почти совсем вышли
отребления. На смену медленному, тя-
ду грохоту самнитских боев пришли мол-
ные кинжальные схватки, страшные,
ие раны, кровь, распоротые животы,
и, боль, быстрое, до ряби в глазах, дви-
и сказал своему изнеженному юному

видев однажды на арене фракийцев, ты
очешь больше смотреть ничего другого.
ругое кажется скучным, утомительным,
ным мысли. Хорошие игры фракийцев —
мая возбуждающая вещь на свете...
илось начало схваток. Маленькая арена
пуста, она тоже казалась обнаженной в
свете солнца. Печальная тишина висела
ем зданием. Четверо римлян, трое муж-
одна женщина, возлежали на своих по-

— Ты, я! — крикнул толемус, молодой, кра-
сивый фракиец. — Все мы мясо на столе у мяс-
ника, у ланисты.

— Еще во что веришь ты, Спартак? — на-
стаивал негр.

— Во что еще?.. В то, о чем мечтают люди.
Но когда человек идет на смерть, может ли
он мечтать?

— Я скажу тебе то, что уже сказал, — тихо
произнес чернокожий, и его густой голос пе-
чально смягчился. — Я скажу тебе это. Я оди-
нок, и далеко мой дом, и тоска снедает меня.
Я не хочу больше жить. Я не стану убивать
тебя, Спартак.

— Разве здесь место для милосердия?

— Это — место для игр. Но я устал.

— Мой отец был раб, — проговорил Спар-
так. — Есть только одна добродетель для раба,
учил он меня. Добродетель эта — оставаться
в живых.

— Мы не можем оба остаться живыми.

— И одна радость есть у раба, — добавил
Спартак, — не знать часа своей смерти.

это, а то, что один остается в живых. В нем
самом, в Спартаке, это тоже главное. Люди
угадывают это в нем. Выжить! Это написано
между звездами, там, в небесной вышине.

Спартак приник к щели, и глазу его пред-
ставился круг в самой середине арены. Сна-
чала все заслонили шедшие доложить к локтю
гладиаторы. Но вот они отделились друг от
друга, вот стали лицом к тем, кто заплатил за
их плоть и кровь. Тени фракийца и иудея упе-
ли на песок, тела их были смуглы и блестящи,
натертые маслом. Теперь между ними лежит
расстояние в десять шагов, десять шагов песка
и солнечного света.

Спартак видит вдали и ложу, где возлежат
римляне, — широкий, веселый павильон, убран-
ный розовыми, желтыми и пурпурными тканя-
ми, полосатый балдахин наверху, опалом из
перьев слегка колыхнется в руках обнаженного
раба. Там сидят они, те, которые покупают за
деньги жизнь и смерть, немного и все! Не в
эту ли минуту затеплилась в сознании Спартака
та мысль, к которой рано или поздно прихо-
дили люди во все века истории?..

На арену вышел один из тренеров, что
обучают гладиаторов приемам боя. На полиро-
ванном деревянном подносе он нес два ножа.
Торжественно протянул он поднос тем, чьим
золотом оплачено предстоящее зрелище. В эту
минуту луч солнца ударил в металл клинков, и
ослепительно засверкали двенадцать дюймов
стали, изящно вправленной в рукоятки орехо-
вого дерева.

Брак важно кивнул го-
ловой. Ненависть обо-
жгла Спартака, словно
его коснулся один из
отточенных, как бритва,
ножей. Но он овладел
собой и продолжал смо-
треть, как посторонний
зритель. Гладиаторы вы-
бирали оружие. Потом
они исчезли из поля зре-

тело еще не
ним. Мгнове-
ния, смерть
вается, ката-
ногами стра-
но — такова
ных движен-
смертельных
Фракиец
тело, словен-
немыслимы
ние силы у
без остатка
сопротивле-
хватает воз-
равносите-
нож и слеп-
отбивает и
Но иудей с-
ищет новой
нужды: фре-
жизнь уход-
капель в кро-
шуюся на п-
Но нет, д-
еще не сыг-
ме, выйдя
нают крича-
требователи
— Вербер-
Гладиатор
шевелюсь. У-
ная рана
движение с-
крови. Вне-
на арену, и
и торчит,
А сам иуде-
ву, словно
меня.
Фракиец
ляне прод-
царапают
В два пры-
иде-

них. Время оста-
т существования
:трашной взаим-

акой-то молние-
ности сплетают-
жимает правую
к телу, лицо к
я резать и уби-
до предела —
з, у обоих один
о убив, можно

ертвой схватке,
ержать сила и
друг от друга и
Теперь во всю
красная лента.
пожигают друг
енства. Они по-
м, и кровь сте-
югами.

вперед. Сверк-
я. Мгновение —
фракиец летит
в воздухе. Его
— иудей уже над
ийнего напряже-
ийцем. Он изви-
тбивает голыми
режет, колет,
ых, конвульсив-
может нанести

окровавленное
о тунику, делает
эгах. Но послед-
они
ное
он
кать
аает
все
ика.
не
нет
вью,
я за
лив-

ерти
мля-
ачи-
пло,

дай!
не
вен-
бое
тери
нож
есок
тась.
оло-
ка-

Рим-
они
ожи.
рену
обой
ввей

al
вчам

один
о не
фра-
юра-
инный
нно-

клес-

авно
гля-
и не

вжал
ться,
в так
удей
а по

куску еще живого мяса, почему не перере-
зал фракийцу горло, тогда обильный поток
крови украсил бы финал борьбы...

Но Брак, держа в руке бокал вина, остано-
вил Батиата спокойным жестом:

— Ни слова, ланиста. Это было чудесно.
Большого не приходится желать.

— Мое заведение знают повсюду, я...

— Пусть провалится в ад твое заведение!
Вот что я скажу тебе. Приведи иудея сюда.
Не наказывать его, слышишь? Когда человек
дерется хорошо, этого довольно, не правда
ли? Приведи его сюда.

— Сюда? Но...— с сомнением начал Люций.

— Да, сюда! И не вздумай обмывать его.
Пусть придет, как есть.

Пока Батиат бегал выполнять приказание,
Марий Брак продолжал говорить. Подыскивая
слова, как это делают знатоки, снисходя к про-
фанам, он объяснял в подробностях, в чем со-
стояла красота и мастерство того, что они
только что видели.

— Это случается один раз на сто пар, и если
вы увидели это, вам повезло! Минута велико-
лепия, разве это не лучше, чем часы скучного
фехтования? Вы видели знаменитый последний
бросок перед смертью. Разве может красивее
умереть гладиатор? Вспомните, как все шло.
Фракиец следит за иудеем. Фракиец знает,
что ему все равно конец...

— Да, но он первый пустил иудею кровь,—
спорит Люций.

— Это не имеет значения. Фракиец и иудей,
должно быть, впервые встретились в паре. От-
сюда все и получилось. Им пришлось сделать
много прыжков и перебежек, чтобы узнать
друг друга. Если бы они уже знали друг друга

раньше, они стали бы фехтовать ножами, а
для этого нужна выучка и осторожность. Когда
они сцепились, иудей раскрыл фракийцу руку.
Будь это правая рука, фракийцу смерть. Но
раз это была левая, фракиец, понимая, что
ему все равно нечего терять, поставил все на
бросок телом. Девять из десяти гладиаторов
ответили бы на это обхватом, даже рискуя на-
пороться на нож. Вы знаете, что это значит —
отбить бросок с ножом, за которым вся тя-
жесть человеческого тела?.. Вот почему я и
послал за иудеем. Сейчас я вам все покажу...

Иудей явился вновь, все еще голый, от него
пахло кровью и потом. Жалкое, дикое подобие
человека, он стоял перед ними с опущенной
головой, и мышцы его содрогались от уста-
лости.

— Повернись спиной,— приказал ему Брак.
Гладиатор не двигался.

— На колени! — закричал Батиат.

Надсмотрщики схватили раба, повернули его
и бросили на колени перед ложей римлян. По-
казывая на его спину, Брак ликующе восклик-
нул:

— Вот оно, смотрите сюда! Нет, не на следы
бича, а на то место, где задета кожа, словно
наша госпожа оцарапала ее иголкой. Это нож
фракийца коснулся спины, когда иудей про-
скользнул под ножом и перебросил фракийца
через себя! Последний бросок перед смертью!
Оставь его в покое, ланиста! Не бичевать боль-
ше. Оставь его, ты заработаешь на нем боль-
шие деньги. Я сам постараюсь, чтобы о нем
узнали. Твое здоровье, гладиатор!

Но раб из Иудеи молчал, как немой, и стоял,
не подымая головы.

когда убьют меня ты, друг. Я не хочу
измучен жизнью.

Идите там, эй вы! — солдаты снова засту-
келезом в стену.

Чужой человек вскочил и так забарабанил
огромными кулаками, что весь сарай
завыл. И вдруг он остановился, снова опу-
стился на скамью и спрятал лицо в руки. Спар-
тошел к нему, поднял его голову и осто-
н вытер капли пота со лба его.

Гладиатор, не дружи с гладиатором, —
он горько.

Спартак, зачем рождается человек? —
чужой негр невнятно, как во сне.

Чтобы жить.

Это все?

Да, все.

Ане непонятен твой ответ, фракиец.

Почему же, друг? — Спартак проговорил
тихо умоляюще. — Дитя, когда оно выхо-
дит из чрева матери, чувствует это. Это очень
рано...

Нет, это не для меня, — прошептал черно-
кожий. — Мое сердце рвется на части, когда
я думаю о тех, кто любил меня.

Тебя будут любить другие.

Нет, никогда, — сказал черный человек. —
Никогда.

Сколько лет спустя Кай Красс мог только
вспомнить это утро в Капуе, где
во время увеселения сражались две пары гла-
диаторов. У Кая было много острых пережи-
тий в жизни, и все они покупались за день-
ги, конечно, он забыл, что одного из
гладиаторов второй пары звали Спартак...

Чужому почему-то запал в память выход вто-
рой пары на арену. Два человека появились из
дверей и вступили на широко
разбросанный солнцем песок. Птицы поднялись
с земли и упорхнули вверх, «завис сангвина-
ры» — кровавые птицы, как их звали в Риме.

Скопилось много римских легионеров с железным наконеч-
ником, против которого не устояли войска ста
народов. Копье пробило туловище черного че-
ловека и вышло спереди, но и это не удер-
жало гиганта. Вместе с торчащим из спины
длинным деревянным шестом он продолжал
идти к римлянам.

Второе копье ударило его в бок, третье в
спину, четвертое пронзило затылок. Теперь с
ним было кончено, только трезубец в его про-
тянутой руке еще крушил барьер ложи, где
метались в страхе римляне. Потом негр опро-
кинулся на спину, он был мертв.

Все это время Спартак стоял, как вросший
в песок арены. Если бы он сделал хоть одно
движение, он был бы мертв тоже. Он бросил
нож в песок и оставался недвижим.

Жизнь была ему теперь нужна больше, чем
когда-либо.

Назавтра, в то утро, которое осталось в па-
мяти у многих, ожесточение и злоба наполня-
ли школу гладиаторов. Грохот барабанов, бив-
ших побудку, был особенно резок, тренеры с
яростной руганью выгоняли гладиаторов из их
клеток и выстраивали на площадке против за-
бора, на котором уже висело распятое тело
африканца. Женщин гнали на работы в кухню,
не жалея ударов бича. Бич ложился на плечи
Варинии¹ так же часто, как на плечи других
женщин, даже чаще.

Ярость Батиата потрясала здание. Причина
ярости была проста: ланиста понес значитель-
ный денежный убыток. Марий Брак удержал
половину, целую половину условленной платы
за вчерашние игры на арене. Можно было по-
жаловаться судебным властям, но мог ли пре-
зренный ланиста рассчитывать выиграть про-
цесс у отпрыска одной из влиятельнейших
семей Рима? И гнев Батиата бушевал, и откли-
ки этого гнева разносились по всей школе. На
кухне повар осыпал проклятиями женщин, на-

создала на костях и крови рабов, подобных
ему, Спартак. Распять на кресте — это у
них самое любимое удовольствие. Говорят,
уже и в Карфагене признают только такую
казнь достойной раба. Куда ни дотянется рука
Рима, всюду распятия, — это становится какой-
то страстью....»

На площадку вышел Батиат. Спартак, едва
шевеля губами, прошептал Криксу, стоявшему
рядом с ним:

— А как умрешь ты, галл?

— Как придется, фракиец.

— Он был мне друг, — продолжал Спартак,
указывая глазами на африканца. — Он любил
меня.

— Это — твое несчастье.

Батиат разглядывал длинные шеренги гла-
диаторов. Солдаты сгрудились за его спиной.

— Я кормлю вас, — начал ланиста. — Я даю
вам лучшую еду: мясо, и птицу, и свежую ры-
бу. Я даю вам есть столько, что у вас лопаются
животы. Я купаю вас и делаю вам натиранья.
Я многих из вас вытащил из рудников и с га-
ллер, и здесь вы живете в праздности среди
тучных пастбищ. Нет на свете ничего ниже то-
го, чем вы были; теперь вы живете и едите,
что вам предлагается...

— Ты друг мне? — продолжал шептать галлу
Спартак.

И галл ответил, не разжимая губ:

— Гладиатор, не имей друзей среди глади-
аторов.

— А я буду звать тебя другом, — тихо про-
молвил Спартак.

Батиат продолжал, распаляясь все больше:

— В черном сердце этой черной собаки не
было ни благодарности, ни понимания. Я спра-
шиваю: много ли здесь таких, как он?

Гладиаторы молчали.

— Дайте мне еще одного чернокожего! —
закричал Батиат тренерам, и они бросились
туда, где стояли африканцы, и вытащили одно-

него бунта...

Часто по в-
клетки и при-
слушал расск-
ниях сицили-
прошлом сто-
рабов; и вот
добных ему
чем Ахилл, Г-
же более сл-
сказаний и п-
которым по-
быть, и к лу-
богатые ри-
рабов.

Те, о котор-
стве, смерти
чем люди:
ки. Цена им-
мула. Они в-
брежных по-
это были! Э-
бов на сици-
римские ар-
вий, герман-
иудей, Бен-
бов на судн-
Атениону...

Слушая ра-
как наполня-
крепче нити
зывают его
душа рвала-
тем, о чем
щем. Раса,
чения, они
Но сколь ни
все они ко-
римляне пр-
кресту, нов-
новых дере-
кое возмез-
быть рабом

оставшихся в живых после подавления последнего бунта рабов в Сицилии.

Часто по вечерам, растянувшись у порога клетки и прислонив голову к двери, Спартак слушал рассказы Крикса о бесконечных восстаниях сицилийских рабов, начавшихся еще в прошлом столетии. Спартак был раб и потомок рабов; и вот он слышит, что среди людей, подобных ему, нашлись герои, не менее славные, чем Ахилл, Гектор и хитроумный Одиссей, даже более славные. Правда, о них не осталось сказаний и песен, и их не превратили в богов, которым поклоняются люди. Но это, может быть, и к лучшему: боги — это все равно что богатые римляне, их мало заботит судьба рабов.

Те, о которых поведал ему Крикс, были простые, смертные люди, даже много меньше, чем люди: они были рабы, нагие невольники. Цена им на рынке была меньше, чем цена мула. Они впрягались, как скот, в плуги на безбрежных полях латифундий. Но что за люди это были! Эви, когда-то освободивший всех рабов на сицилийском острове и разбиивший три римские армии; грек Аteniон, фракиец Сальвий, германец Ундарт и тот таинственный иудей, Бен Иоаш, который бежал с толпой рабов на судне из Карфагена и присоединился к Аteniону...

Слушая рассказы галла, Спартак чувствовал, как наполняется его сердце гордостью, как все крепче нити большого и чистого братства связывают его с давно умершими героями. Его душа рвалась к ним, он знал их, он сам жил тем, о чем они мечтали и чего искали в грядущем. Раса, город, страна — это не имело значения, они восставали за счастье всех людей. Но сколь ни велика была слава этих восстаний, все они кончались поражением. Невизменно римляне пригвозждали тысячи восставших к кресту, новые страшные плоды повисали на новых деревьях, чтобы всякий мог видеть, какое возмездие ждет раба, не пожелавшего быть рабом.

— Всегда, всегда кончалось этим, — говорил Крикс.

Чем дольше жил Крикс среди гладиаторов, тем все неохотнее рассказывал он о прошлом. Ни прошлое, ни будущее не поможет гладиатору. Ему теперь все равно. Крикс воздвиг вокруг себя стену безразличия, и только Спартак пытался пробить эту горестную броню, в которую заковал себя огромный галл. Но однажды Крикс сказал ему:

— У тебя слишком много друзей, Спартак. Трудно убивать друга. Оставь меня.

...В то утро после упражнений гладиаторы собрались на площадке и медлили идти на утренний завтрак. Разгоряченные и потные, они небольшими группами стояли или сидели на земле, и мысли их словно сковывались двумя чернокожими, висевшими на заборе. Гладиаторы подавленно молчали. Они чувствовали: это — только начало. Батиат не уймется, он будет охотиться за новыми, которых можно поднять на крест. Плохие времена!

Солдаты меж тем ушли за ворота и расположились на завтрак под купой деревьев, у ручья, огибавшего гладиаторскую школу.

Сквозь железную решетку двора Спартак ясно видел их. Они лежали на траве, растянувшись, сбросив шлемы и оставив тяжелые копья. Он смотрел и смотрел на них, не отрывая глаз.

— О чем ты думаешь? — подошел к нему Ганник. Они вместе долгое время были рабами, вместе погибали в рудниках Нубии, вместе играли еще детьми.

— Не знаю, — медленно произнес Спартак.

Крикс был мрачен. Злоба слишком долго копилась в нем. И он спросил тоже:

— Что ты думаешь, Спартак?

— Еще не знаю.

— Ты знаешь все, тебя твои фракийцы зовут отцом.

— Знаешь ли ты, кого ненавидеть, Крикс? Галл словно не слышал вопроса.

— А черный человек — он тоже называл тебя отцом, Спартак? Почему ты не дрался с ним, скажи? Будешь ты драться со мной, когда придет наш черед, Спартак?

— Я никогда не буду больше драться с гладиаторами, — ответил Спартак спокойно. — Теперь я знаю это. Еще минуту назад я не знал. Теперь знаю.

Несколько гладиаторов услышали его слова. Они придвинулись к нему поближе. Спартак уже не глядел на солдат, он всматривался в гладиаторов, переводя взор с одного на другого. Вокруг него стояло десять — двенадцать человек, но он все еще не говорил им ничего. Их угрюмые лица светлели, и какое-то вопрошающее нетерпение загоралось у них в глазах. А он все пристальнее вглядывался в эти глаза.

— Что нам надо делать, отец? — не выдержал Ганник.

— Мы будем знать, что делать, когда придет время. Теперь расходитесь...

Словно столетия неслись над головой фракийского раба. То, чего не случилось за тысячу лет, должно произойти в немногие ближайшие часы.

Еще все они в эту минуту были рабами, даже отбросами рабства, мясниками среди рабов.

Гладиаторы колоннами шли через ворота, чтобы, как обычно, сесть за утреннюю еду.

На пути им встретился Батиат. Он сидел в носилках, которые несли восемь рабов. Ланиста отправлялся в Капую на рынок за провизией. Носилки плыли мимо рядов гладиаторов, и Батиат отметил про себя, как спокойно, в привычном порядке шагали люди. Он подумал: «Пришлось пожертвовать африканцем — чистый убыток, но он окупится сполна...»

Что произошло в большом зале, где собрались на завтрак гладиаторы, в точности не знает никто. Ибо не было тогда историков, которые согласились бы стать летописцами восстаний рабов — последние не считались предметом, достойным истории. А если то, что совершали рабы, становилось частью истории, то историю писали все-таки те, кто владел рабами, боялся рабов и ненавидел их.

Вариния, работавшая на кухне, видела все собственными глазами. Много лет спустя она поведала об этом другим. И если мощное звучание этих событий и замерло со временем, превратившись в тихий шелест молвы, память о них не исчезла...

(Продолжение следует)

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

«Имени Григория Кунавина»

из них живет жена Григория Кунавина — Екатерина Андреевна.

Недавно школьники Каменск-Уральского получили письмо из Сталинграда от студентов педагогического техникума.

«Очень просим вас, — пишут они, — сообщить нам подробнее о жизни и подвиге товарища Кунавина. Мы, сталинградцы, восхищаемся вашим земляком, отдавшим жизнь за Родину. Так могут поступать настоящие советские люди, для которых Родина дороже жизни».

Редакция получила от земляков героя его фотографию.

Из деревни Герасимовичи нам прислали снимок, сделанный там в день торжественного открытия памятника на могиле Г. П. Кунавина. Мы публикуем эти снимки.

Г. П. Кунавин.

Возложение венков на могилу Григория Кунавина.

Под таким заголовком была опубликована в 19-м номере «Огонька» корреспонденция из Польши. В ней рассказывалось о том, как свято чтут в польской деревне Герасимовичи память советского воина Героя Советского Союза Григория Кунавина, погибшего в бою за освобождение этого села.

Из Каменск-Уральского, откуда родом Григорий Кунавин, нам сообщают:

— К Первомайскому празднику в городском краеведческом музее открылся новый отдел, посвященный Г. П. Кунавину. Много интересных материалов подарили музею учащиеся средней школы № 3. Они собрали фронтовые письма героя, завязали переписку со школьниками польской деревни Герасимовичи, побывали у родителей Кунавина, живущих на улице его имени в уральском городе Богдановиче. Улица имени Г. Кунавина есть и в Каменск-Уральском. Эта улица, как и сам город, непрерывно растет. Десятки семей железнодорожников вселяются в новые дома, построенные ими на свои средства с помощью государства. В одном

Трилогия о Дальнем Востоке

В истории русского «землепроходства» — славной истории великих географических открытий — народная инициатива сыграла громадную роль. Простые русские «промышленные люди» и казаки — Ермак, Атласов, Стадухин, Дежнев, купец Шелехов, мещанин Санников — проложили дорогу ученым экспедициям Беринга, Лаптевых, Кука и Лаперуза. Семен Дежнев за 80 лет до Великой Северной экспедиции прошел через так называемый Берингов пролив. Самоучки-географы, вроде устюжан Бахова и Шалаурова, чертили первые карты северо-восточных берегов Ледовитого океана и даже производили магнитные наблюдения. Русские первооткрыватели Поляков и Хабаров по своему личному почину и без всякой поддержки правительства преодолели глухие сибирские лесные дебри и до самых устьев разведали реку Амур.

Вслед за ними на вольные амурские земли двинулись ушедшие с сибирской каторги люди и беглые крепостные; они бесстрашно и неутомимо странствовали по дремучей тайге и нехоженым берегам рек.

Всюду, где появлялись эти русские люди, строились укрепления, деревни и слободы, распространялось земледелие. В то же время пришельцы отыскивали железные, золотые и серебряные руды и составляли чертежи новооткрытых «землиц».

Народ, подлинный герой истории, совершал свой ратный и трудовой подвиг с полным сознанием государственной необходимости укрепления и освоения новых земель. При этом деятельный и отважный русский человек открывал новые пути и земли своими силами, не только не опираясь на какую-либо помощь правительства, но часто даже нарушая его запрет.

Точно так же действовал и Г. И. Невельский, один из наиболее прогрессивных ученых русских мореплавателей, едва не разжалованный в матросы за то, что покончил с басней о непроходимости для судов Амурского устья и поднял над Приамурьем русский флаг.

Открытие Невельским двух фарватеров Амура коренным образом отразилось на судьбе русского Дальнего Востока и Сибири, получивших естественный, речной выход в Тихий океан. Это открытие было тем

более своевременным, что англичане и американцы уже подбирались к Приморью и Приамурью, где еще в первой половине XVII века были пашни, распаханные русскими людьми.

Взгляды Невельского на значение Амура и тихоокеанского побережья для России разделялись лучшими ее умами. «...Тихий океан — Средиземное море будущего», — писал А. И. Герцен. — В этом будущем роль Сибири, страны между океаном, южной Азией и Россией, чрезвычайно важна».

Истории освоения русскими людьми Дальнего Востока посвящены романы лауреата Сталинской премии Николая Задорнова «Амур-батюшка», «Далекый край» и «К океану». Простой русский человек выступает в этой трилогии как старший, мудрый брат и наставник коренного туземного населения, как его благородный защитник от иностранных грабителей.

В романе «Далекый край» есть такой эпизод: гольд Чумбока получает от русского кустаря-оружейника Мармешки Хабарова отличное ружье. Родичи гольда, возбужденные шаманом, отнимают это ружье и бросают его в волны Мангму (Амура). Затем Чумбока видит во сне своего покойного отца, рассказывающего сказку, многозначительность которой трудно переоценить: «— Твое ружье утонуло в воде, — говорил старик, — на дне Мангму русское ружье лежит. Ружье твоё, когда утонуло, стало расти. Оно выросло величиною во весь Мангму». Русское ружье, выросшее до размеров реки Амура, — что это, как не сказочный образ, символизирующий военную мощь России, которая сможет защитить от любых посягательств весь необозримый дальневосточный край!..

В этом же романе спаситель Чумбоки китаец-батрак Тун получает помощь от русского батрака Фомки. «Все, что приходилось слышать Туну про русских от своих богачей и чиновников, оказалось неправдой. «Какие негодяи и лжецы эти маньчжурские торгаша и начальники!» — думал Тун».

Читая эти строки, невольно вспоминаешь пророческие слова Д. И. Менделеева: «Тихий океан — будущая арена политической жизни. Дружить следует с Китаем; китайцы народ

миролюбивый и трудолюбивый, с многотысячелетней культурой».

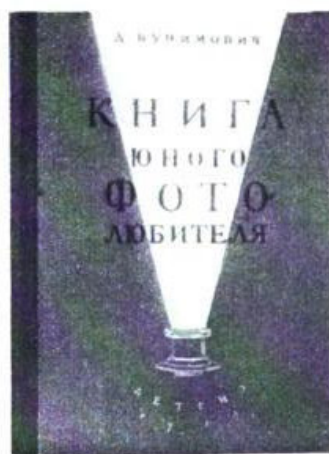
В книгах Н. Задорнова очень сильна этнографическая струя. Радует свежесть наблюдений автора и то, что люди изображены с большой впечатляющей силой. Живое ощущение величественной амурской природы передано автором чистым, прозрачным языком: «Тяжелые ветви висят над водой. Ясени, толстые, как башни, ильмы, осины, нежные изгибы синих черемух, высокие душистые травы, красные и желтые саранки на длинных стеблях, чуть позелененные ветви лиственниц, подмытые умирающие деревья, как печальные зеленые знамена, склонились к прозрачным ручьям...»

Богатырская борьба русских новоселов с этой девственной природой изображена в романе «Амур-батюшка», одним из главных героев которого является Егор Кузнецов. «Могучий, плечистый, сухой от труда и забот», он говорит старожилу Ивану Бердышеву: «— Даст бог, Иван Карпыч, и тут леса порубим, земли запашем, тоже Россию сделаем — поглядишь тогда...»

И он прав, ибо «там, где ступил Егор на землю, — земля родила». Эта тема русского жизнеутверждающего начала пронизывает весь роман.

Г. ШТОРМ

Книги о фотографии

Д. Бунимович известен как автор ряда книг по фотографии. Новая его книга, выпущенная Детгизом, написана специально для школьников. Это определило ее содержание и характер изложения. Автор сумел ясным и простым языком, в занимательной форме дать начинающему фотолюбителю основные сведения по фотографии, кратко рассказать об ее истории и об успехах первых русских фотографов.

На 189 страницах юный читатель найдет все необходимое, чтобы научиться пользоваться фотоаппаратом, овладеть техникой

съемки, негативным и позитивным процессами и получить элементарные представления о композиции снимка. Книга поможет пионеру и школьнику применить свои фотографические познания в школе, в пионерском лагере, в кружке юных натуралистов или в туристском походе.

«Книгу юного фотолюбителя» с интересом прочтут и школьники, считающие себя уже опытными фотографами; им она тоже может дать много новых и полезных сведений.

Недавно на Всесоюзной художественной выставке 1951 года с успехом демонстрировались произведения советской художественной фотографии. В печати справедливо указывалось на необходимость дальнейшего творческого роста этого молодого искусства, оперативно и документально отражающего жизнь Советской страны.

В книге С. Морозова «Первые русские фотографы-художники», выпущенной Госкиноиздатом, впервые собраны материалы, освещающие совершенно незнакомую широкому кругу читателей историю русской художественной фотографии.

Советские исследователи немало и плодотворно потрудились, разоблачая ле-

генду о вековой отсталости русской творческой мысли. Тем же путем идет и С. Морозов, воскрешая несправедливо забытые имена пионеров отечественного фотоискусства, создателей его техники и творческих приемов.

Наблюдая за современной фотосъемкой, продолжающейся сотые доли секунды, трудно даже представить себе, как происходила съемка на заре фотографии. Лицо снимающегося выбеливали мелом, и волосы посыпали пудрой (для увеличения количества отраженного света). Самая фотосъемка продолжалась 20—30 минут на ярком солнце. Для того чтобы человек не шевелился, голову его фотограф закреплял специальными держателями.

Весной 1840 года московский любитель «светотписи» Алексей Греков, опережая западноевропейских изобретателей, вносит коренные изменения в мучительный процесс фотографирования. Ему удалось сократить время съемки до 2—3 минут и заменить дорогую серебряную пластинку латунной, а впоследствии и бумажным листом. Путь для практического использования фотографии был открыт. Наряду с быстрым проникновением ее в различные области науки начинается формирование и русского фотоискусства.

Основная часть книги С. Морозова, богатая документальным материалом, посвящена успехам и характеристике творчества русских фотохудожников. Читатель познакомится с выдающимися фотографом С. Л. Левициным. Сделанные им снимки Кавказа были удостоены в Париже в 1843 году первой в истории фотографии медали. В выдающихся портретных работах Левицкого запечатлены виднейшие деятели русского искусства и литературы того времени — Гоголь, Глинка, Щедрин, Тургенев, Островский и другие.

Фотография как искусство настойчиво заявляла о своих правах, и уже в те годы в художественных кругах велись споры о будущем этого молодого искусства. Знаменитый критик, страстный поборник идеи приближения искусства к народу В. Стасов впервые свои значительные статьи посвящает именно проблемам развития фотоискусства. «...Все сделанное до сих пор фотографией может считаться ПРОЛОГОМ, ВСТУПЛЕНИЕМ к настоящей ее истории...», — писал Стасов.

Деятельность фотохудожников семидесятих годов прошлого столетия В. Каррика, А. Карелина, М. Дмитриева и многих других положила начало жанровой, публицистической фотографии. Даже немногие приведенные в книге фотопортреты убеждают в том, что на очереди серьезная задача — собрать воедино богатое наследие первых русских фотографов-художников. Оно важно нам не только как художественно-документальное отображение эпохи, проникнутое присущим русскому искусству реализмом, высокой жизненной правдой. Оно необходимо также и деятелям советского фотоискусства как материал, достойный самого серьезного изучения.

Изучение истории русской художественной фотографии, дающей примеры высокой требовательности к своему творчеству, страстного стремления к яркому и правдивому отображению жизни, несомненно, внесет значительную долю в дальнейший творческий рост советского фотоискусства.

Николай Задорнов. Амур-батюшка. Далекый край. К океану. Романы.

И. С. Остроухов
(1858—1929).

БЕРЕЗЫ. ОСЕНЬ.

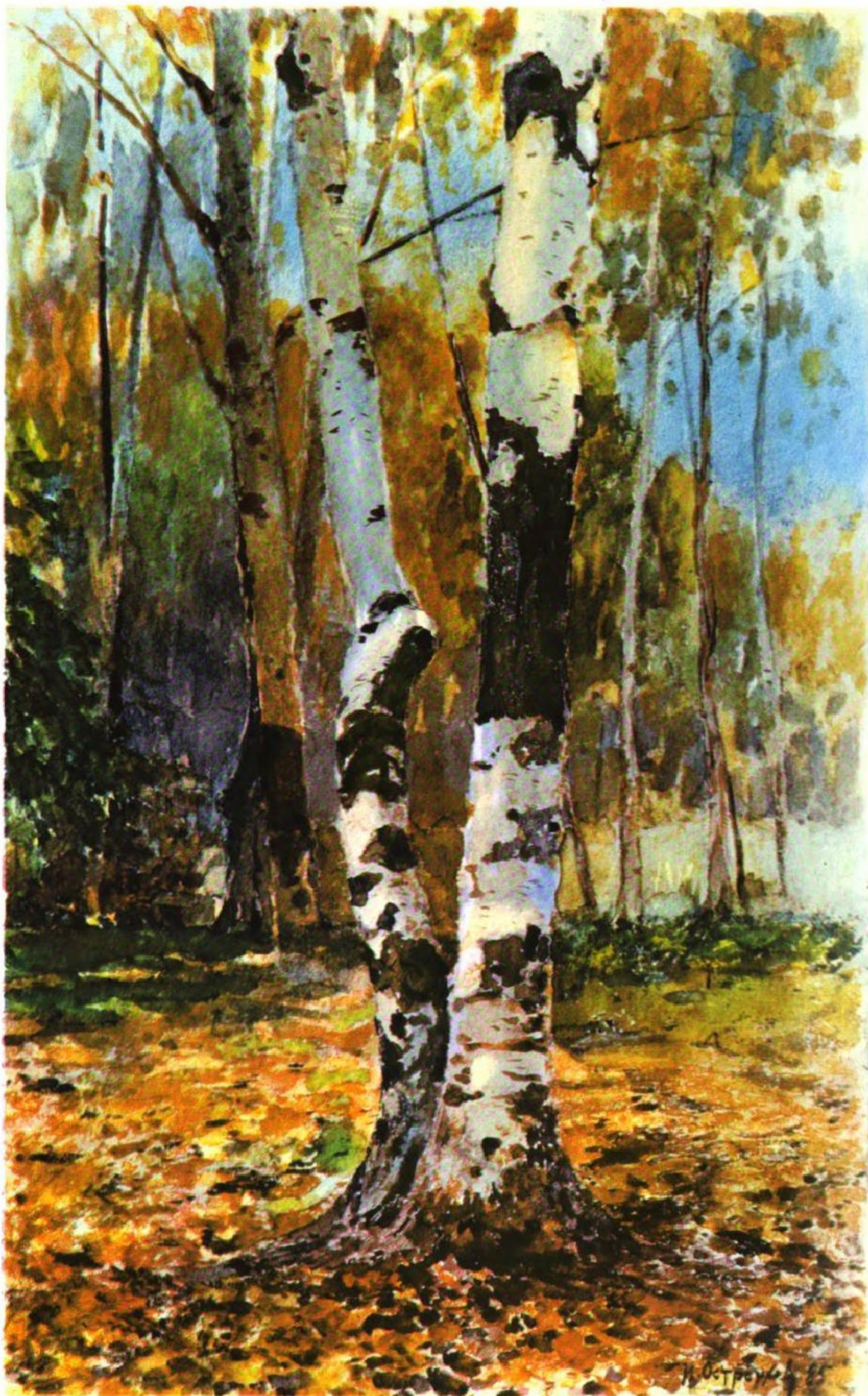
Абрамцево. 1885 г.

Из акварельного фонда
Государственной Третьяковской галереи.

И. С. Остроухов, один из талантливейших русских пейзажистов, стал художником неожиданно для самого себя. Его детские и юношеские увлечения говорили о том, что он будет естествоиспытателем. Четырнадцатилетним мальчиком И. С. Остроухов уже печатался в журналах по природоведению, несколько переизданий выдержали его оригинальные сочинения о жуках, бабочках и птицах средней полосы России.

В 1880 году, впервые в жизни, Остроухов скопировал понравившуюся ему пейзажную картину. С этого момента живопись безраздельно захватила его. Летом того же года он пишет сотни этюдов, о которых с восторгом отзывается Репин. В 1882 году Остроухов по совету Репина едет учиться в Петербург. П. П. Чистяков — всеобщий учитель русских художников, как называл его Стасов, — становится руководителем молодого живописца. К первым годам творчества талантливого пейзажиста относится воспроизводимая нами акварель — характерный остроуховский этюд с натуры, очень тонко и артистично передающий колорит и настроение увядающей осенней природы. Другой рисунок, принадлежащий кисти Сурикова, изображает Остроухова в тот же период на этюдах.

Лучшие произведения Остроухова — «Весна», «Золотая осень», «Сиверко» — были написаны позже, на рубеже восьмидесятых — девяностых годов прошлого столетия.

В. И. Суриков (1848—1916). ХУДОЖНИК И. С. ОСТРОУХОВ ЗА РАБОТОЙ. 1884 г.

Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

Зрелое мастерство

Х. ХЕРСОНСКИЙ

Пьесы Горького привлекают театры огромным богатством жизненных наблюдений писателя: в них столько мысли и чувства, столько глубочайшей правды о людях, что играть в этих пьесах — особенная радость для актера. Вместе с тем это превосходная школа, школа реалистического, чудесного, содержательного искусства.

Вот почему появление пьес Горького в репертуаре профессио-

Просмотр этих спектаклей показал, что участники самодеятельности играют пьесы Горького, отнюдь не копируя известные спектакли профессионального театра, а опираясь на свой собственный, подчас немалый жизненный опыт.

Искусство Горького родилось из страстной ненависти к угнетению человека человеком, из неисчерпаемой веры в силы трудящихся, в победоносное их стремление к лучшему. А. М. Горький писал:

бителем природы, человеком, одинаково добрым ко всему живому. Исполнители стремятся расположить к нему зрителей, вызвать жалость и сочувствие. Н. Чехов сделал другое. Раскрывая обаяние этой чистой, детской души, доброту и искренность Перчихина, артист последовательно, от сцены к сцене, раскрывает беспомощность и бесплодность его наивно-созерцательного восприятия жизни. Благодаря такому продуманному исполнению Н. Чехова другой, по-настоящему значительный образ, рабочего-революционера Нила, которого отлично играл в том же спектакле Сергей Мурашев, был обрисован рельефнее и глубже. Исполнители сумели донести со сцены идею пьесы Горького, его мысли о неизбежной победе революционного мировоззрения над всяким иным истолкованием жизни мещанами.

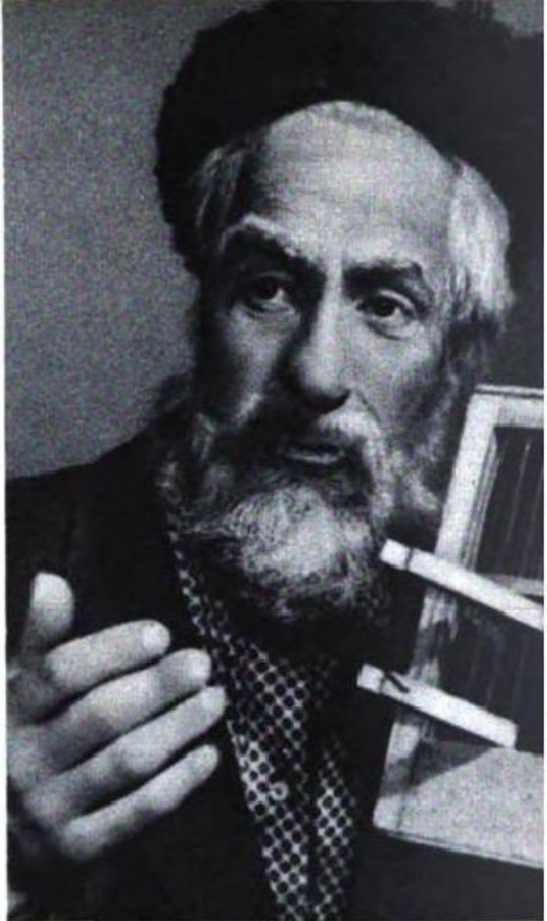
В этом спектакле, поставленном А. Кашкиным, было немало других актерских и режиссерских находок и удач. Но образ, созданный Н. Чеховым, особенно запомнился. Нельзя забыть внешний рисунок, найденный исполнителем для своего героя. Перчихин, с его добрыми, задумчивыми, лучистыми глазами и большим стариковским носом, часто и беспомощно взмахивает легкими, сухими руками, всем своим обликом напоминая подстреленного журавля, который как будто пытается и не может уже взлететь над болотом.

Недавно москвичи смотрели спектакль «Зыковы» в клубе фабрики «Красные текстильщики» (режиссер — В. Линдберг). И здесь удача также была результатом вдумчивого прочтения пьесы Горького.

Особенный интерес вызвало выступление Н. Маркизовой в роли Софьи Зыковой. Рисуя незаурядный, сильный характер Софьи, артистка подметила и выделила главное в замысле Горького. Лесопромышленники-стяжатели Зыковы, пока они остаются самими собой, не сумеют найти правду жизни, о которой умная Софья говорит: «Правду не выдумашь, ее надо выработать. Работать нужно, Паша, а не искать. Ничего не найдешь, — ничего не потеряно...»

Участники спектакля верно почувствовали внутреннюю тему пьесы. В том, что творится в доме Зыковых, в мрачном, безнадежном тоне их жизни — предчувствие победы иных людей России. О них, этих людях, Софья говорит: «Нет, живет и растет другая... Есть другая Русь...»

Точно и тонко вылепил М. Чикул облик самовлюбленного компаньона Зыковых, «аккуратного» хищника-коммерсанта Хеверна, из

Перчихин (Н. Чехов) — «Мещане» М. Горького в постановке Дома культуры имени В. Чкалова.

Софья (Н. Маркизова) и Хеверн (М. Чикул) — «Зыковы» М. Горького в постановке клуба фабрики «Красные текстильщики».

нальных театров, а также в растущей с каждым годом театральной самодеятельности надо приветствовать как признак художественного роста.

В истекшем году в Москве два драматических коллектива — клубов Главсевморпути и завода автотракторного оборудования — исполняли «Егора Булычова». Студенты Московского инженерно-строительного института поставили пьесу «Варвары». В Доме культуры промкооперации, в клубе Мосрыбкомбината и у пиццевиков (чей Дом культуры носит имя Горького) шла «Васса Железнова».

Пьесу «Последние» поставили драматические коллективы завода «Калибр» и 2-го медицинского института. Постановку «Мещан» осуществили студенты Института механизации и электрификации сельского хозяйства и драмколлектив Дома культуры имени В. Чкалова.

«Умение находить, сравнивать, изучать полезное и вредное, красивое и уродливое вне себя и в самом себе, — вот основная сила человека... и она победит все, что мешают росту человека. Победит».

Когда участники спектаклей художественной самодеятельности серьезно и вдумчиво стремятся раскрыть это драгоценное существо пьес Горького, их спектакли превращаются в настоящий праздник. Мы рассказываем здесь о некоторых из исполнителей горьковских образов.

* * *

Совсем недавно мы видели очень тонкое запоминающееся исполнение слесарем Николаем Чеховым роли Перчихина в спектакле «Мещане», поставленном в Доме культуры имени В. Чкалова.

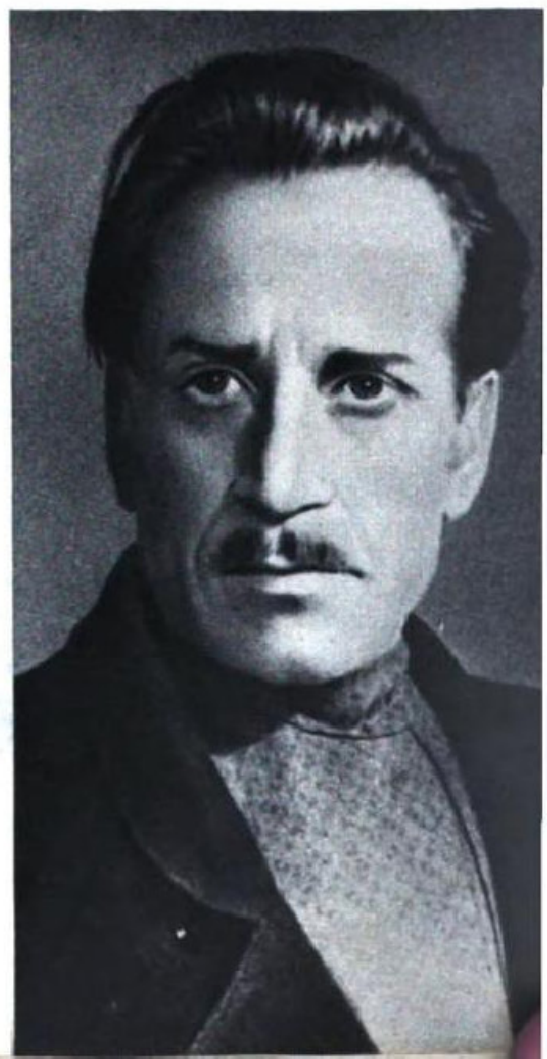
Перчихина чаще всего рисуют неудачником, простодушным лю-

тех, что во множестве присасывались к богатствам России.

Замечательные диалоги пьесы исполнители проводят с темпераментом, с той подлинной заинтересованностью, без которых нельзя играть пьесы Горького.

Пусть еще не все в клубных спектаклях на одинаковой художественной высоте. Но в них ярко раскрывается талантливость людей разных профессий, с увлечением отдающих свой досуг искусству.

Нил (С. Мурашев) — «Мещане» М. Горького в Доме культуры имени В. Чкалова.

ХУДОЖНИК

ЖИЗНЕННОЙ ПРАВДЫ

Вверху: автопортрет художника В. Г. Перова. 1870 год.

Внизу: «Тройка». 1866 год.

К 70-летию со дня смерти В. Г. Перова

В иллюстрированном журнале «Пчела» в 1875 году был напечатан рассказ художника. В поисках натурщика для только что задуманной картины вышел однажды художник к Тверской заставе. Ему повстречалась крестьянка с мальчиком. Мальчик был именно тот, который устраивал живописца. И вот уже мальчик позирует в мастерской, а мать сидит рядом.

Прошло пять лет. В мастерскую пришла мать юного натурщика. Она схоронила сына и, проработав зиму, скопила деньжонок с тем, чтобы купить картину, где был изображен ее сын. Картина к тому времени висела в галерее Третьякова. Когда художник повел осиротевшую мать в залу галереи, он волновался: узнает ли мать среди массы картин своего сына? Вот где проверка художника! Мать узнала сразу, всплеснула руками: «Батюшка ты мой, родный ты мой!..» Художник написал для крестьянки портрет сына, и та у себя в избе повесила к образам эту память о мальчике.

Картина, про которую в рассказе шла речь, — всем известная «Тройка», а художник, написавший рассказ, основанный на подлинном факте, — Василий Григорьевич Перов. Всю свою жизнь художник доискивался правды, был беспощаден ко лжи и наполнен любовью к простым обездоленным людям.

Законно сравнение Перова с Некрасовым, великим певцом народной скорби. Гражданственность живописи Перова не требует доказательства. Всю жизнь Перов, блестящий живописец, один из основателей Товарищества передвижных выставок, отличный педагог, сеял разумное, доброе, вечное.

Из всего, что писалось и говорилось о Перове, самые лучшие строки принадлежат ученику его, Михаилу Васильевичу Нестерову. Со страниц его книги «Давние дни» встает живой, могучий образ

человека, который упрямо ворожал кистью, не угождая и не льстя никому, думая только о Правде с заглавной буквы.

И все же один из слышанных мною от отца рассказов я приведу.

Однажды молодой художник принес свою картинку Перову. На ней был изображен бедняк-крестьянин. Изможденный, замученный жизнью человек пришел попросить прощения, потому что ему неловко худо. Крестьянин в поддевке, в латаных штанах, и вдруг сапоги, хорошие, ваксой мазаные сапоги. Перов посмотрел картинку, нахмурился, взял кисть, и, прежде нежели молодой живописец опомнился, замазал сапоги и быстро прорисовал босые ноги, прибавив при этом:

— Так-то, батенька мой, не лгите-с! Не лгите-с!

Василий Григорьевич Перов родился в 1834 году в городе Тобольске. Первое художественное образование получил в Арзамасской художественной школе, а затем продолжал учебу в Московском училище живописи и ваяния. Жил Перов крайне бедно, учиться было не на что, и однажды он твердо решил бросить училище, уехать в провинцию. Спасло Перова предложение преподавателя Е. В. Васильева поселиться у него в доме.

В 1857 году Перов написал свою первую большую картину, «Приезд станового на следствие». Эта картина, считавшаяся утерянной, недавно стараниями научных работников Третьяковской галереи разыскана. Сюжет картины весьма характерен для творчества Перова: староста держит связанного «преступника» — это молодой крестьянский парень. Становой готовится подкрепиться — старшина вносит графин с водкой, письмоводитель перебирает какие-то бумаги. Никому нет дела до несчастного крестьянина — провинился

«Старики-родители на могиле сына». 1874 год.

он или попросту не потрафил старости. У порога готовят розги: приговор предreshен заранее.

Так с первого полотна Перов заявил о своем желании не только писать, но и обличать. Когда в 1862 году П. М. Третьяков приобрел картину Перова «Сельский крестный ход на пасхе», один петербургский живописец писал ему: «...слухи носятся, что будто бы вам от св. синода скоро сделают запрос, на каком основании вы покупаете такие безнравственные картины и выставляете публично... Перову вместо Италии как бы не попасть в Соловецкий».

Этот холст, где пьян священник, а дьякон упал и не в силах подняться, где подгулявшие мужички лихо размахивают хоруговьями, был запрещен к показу вплоть до 1905 года. Появление картины горячо приветствовал Стасов, демократическая печать высмеивала ее запрет, а молодые художники ловили возможность снова и снова смотреть перовскую вещь.

Если говорить о живописи, отвечавшей требованиям Чернышевского и Добролюбова к искусству, то это прежде всего работы Перова. К середине шестидесятых годов он окончательно утвердился как первый художник новой, реалистической школы.

И если продолжить разговор о живописи, то мне, пейзажисту, в самый раз потолковать про то, как написан пейзажный фон в «Охотниках на привале» или в небольшой картинке «На могиле сына», навеянной тургеневским романом «Отцы и дети». Пейзаж здесь тоже тургеневский, описанный очень подробно, с любовью и знанием, мягкий и грустный. Кажется, пиши Перов специально пейзажи — и здесь создал бы он произведения, которые вошли бы в нашу жизнь рядом с его «Тройкой» или «Птицеловом».

Разговор о Перове был бы не полон, если пропустить его портреты. Портретная галерея его начинается с врача и писателя В. В. Бессонова — друга Перова. Изображен он опершимся на палку; лицо проникновенное, умное. Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, В. И. Даль — шедевры психологического портрета. Купец И. С. Камынин.

Вот что вспоминал о последнем Крамской:

«...не помню, какой фельетонист и в какой газете, говоря о портрете, выразился: «вот мол, он, знаменитый «Тит Титыч» Островского». Вследствие такого отзыва фельетониста, Перову были большие неприятности, да, кроме того, родственники уже и после смерти купца всегда отказывали в просьбе дать на выставку портрет...»

Перов не мог просто писать купца. Глянул поглубже, увидел Тита Титыча и увековечил его таким!

Умер Перов 70 лет назад — в 1882 году. Из Московского училища живописи, ваяния и зодчества гроб на руках несли через весь город к Даниловскому монастырю. На могиле говорили речи Куинджи и Григорович.

Перов, крупнейший русский жанрист, сыграл огромную роль в развитии русской школы живописи. Картины его и по сегодня не потеряли своей прелесть. А для нас, живописцев, есть в них много такого, чему надо учиться и учиться.

В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР

ВЕЧЕРОМ В РИГЕ

Фото Б. Вдовенко и В. Лаврентьева

Еще не ступились поздние, полетному медлительные сумерки, а улицы уже по-вечернему оживлены. Тысячи рижан, закончив рабочий день, спешат к троллейбусным и трамвайным остановкам, толпятся возле касс кинотеатров, вокруг театральных витрин и афиш. В вечерних школах, в читальнях и лекториях сидят люди над книгами или конспектами. Из освещенных окон клубов доносятся звуки музыки: в клубе медработников собрался на спевку хор, у полиграфистов готовится к концерту танцевальный кружок.

Советское искусство воодушевлено животворными идеями дружбы народов. Наши самодеятельные хоры поют латышские, русские, украинские, чешские народные песни. Латышские плясуны исполняют русские, грузинские, польские танцы...

А в театрах! Горький и Островский, Райнис и Блаумен, Шекспир и Лопе де Вега, Чайковский и Верди, Григулис и Броделе, Ромашов и Корнейчук... Разве перечислишь всех авторов, произведения которых входят в репертуары наших театров!

Театры республики широко отметили юбилей великого Гоголя. «Женитьба» в ТЮЗе, «Ревизор» в Русском и Академическом театрах, «Мертвые души» в Художественном театре идут с неизменным успехом. «Мертвые души»

ставятся в Латвии впервые. Режиссеру — народной артистке Латвийской ССР Фелиците Эртнер — помогли своим опытом русские мастера, режиссеры МХАТа, народный артист СССР В. Топорков и Л. Еремеев.

В двух театрах Риги идет пьеса антифашистского американского писателя Говарда Фаста «30 серебряников» — о жизни современной Америки. В Театре юного зрителя режиссером П. Хомским поставлен спектакль «Дорога свободы», по одноименному роману Фаста. Мы видим, как стремление облегчить жизнь задавленных нуждой и бесправием крестьян, вера в торжество справедливости и добра объединяют черных и белых бедняков, поднимают их на борьбу.

Негр Гидеон Джексон (артист Р. Дамбран) и белый фермер Абнер Лейт (артист Ч. Михневич), смелый юноша Марк (артист С. Суханов), доктор Джеф, для которого врачебный долг выше жизни (артист А. Астров), — все они гибнут в этой борьбе.

Еще жива память о недавних суровых боях с немецко-фашистскими захватчиками. Поэтому так привлекает зрителей опера Д. Кабалевского «Семья Тараса», поставленная Театром оперы и балета Латвийской ССР. В этом спектакле заняты заслуженные артисты республики В. Крампе,

«Трембита» Ю. Милутина в Театре музыкальной комедии. Артистка Марина Зирдзиня в роли Василины.

А. Дашков, А. Виллюман и молодые певицы, недавно пришедшие из консерватории, А. Клинка, А. Симсоне.

Финал спектакля. Снова собралась вместе славная семья советских патриотов. Нет только рядом со старым Тарасом его любимой дочери, отдавшей жизнь в борьбе за любимую Родину.

В новой красе поднимаются разрушенные войной города, расцветают сады. Эту новую жизнь мы видим в Театре музыкальной ко-

«Дорога свободы» Говарда Фаста в Государственном театре юного зрителя. Сцена из IV акта. В центре (с ружьем в руках) — Гидеон Джексон (Р. Дамбран).

Вначале вальс «На сопках Маньчжурии» исполнялся только оркестром Мокшанского полка. Затем его начали переписывать и разучивать в соседних частях. Музыка была не только красивой, но и всем близкой, понятной, а поэтому особенно легко запоминалась. Офицеры, отправляющиеся в отпуск, увозили мелодию в Россию. Когда год спустя Мокшанский полк был переброшен на Урал, оказалось, к удивлению Шатрова, что в Екатеринбурге (нынешнем Свердловске) очень многие вальс уже знают.

Фото А. Фирсова

НА АЛЛЕЕ ЧЕХОВА

Фото А. Бочинина

Зарядка.

Наташа Шпаковская закончила водные процедуры.

В распахнутые окна спален врывается утренняя прохлада. Воздух, напоенный ароматом соснового леса, чист и прозрачен. Дышится легко, свободно. В кроватках спят спокойным, беззаботным сном маленькие обитатели дома...

Часы пробили восемь. По сигналу подъема ребята просыпаются, с привычной быстротой натягивают трусики, надевают тапочки. И через пять минут под звонкие удары бубна уже маршируют во дворе, выстраиваются в колонны к утренней гимнастике — зарядке. После зарядки обтирание холодной водой.

Так начинается день в детском доме № 27, просторно разместишемся в добротном здании на аллее Чехова, в Покровском-Стрешневом (Москва).

День этот строго размерен. Все подчинено одной цели: воспитать детей крепкими, здоровыми. Большое место в распорядке дня поэтому занимает физкультура. Элементы ее искусно вплетены в занятия, игры, танцы...

Вот ребята, собравшись в зале детдома или во дворе, отправ-

ляются на воображаемую прогулку в лес. По команде воспитательницы они плавно приседают, собирают цветочки, так же плавно выпрямляются. Вот они изображают «мотор»: быстро вращаются детские ручки одна вокруг другой и мерно раздвигаются по сторонам; потом ребята работают «дровосеками»: руки поднимаются вверх над головой и, вытянувшись, опускаются вниз, чтобы снова взлететь. Слышится приглушенное «ух!».

В такой же незатейливой форме выполняются и другие приемы: полуприседание, вдох и выдох...

Питомцам старшей группы детдом старается привить также спортивные навыки. Они тренируются и в более сложных упражнениях: метают мяч в цель — раскрашенный диск, прыгают через невысоко протянутую веревочку, пролезают через ворота.

Серьезное внимание уделяется закалке детского организма:

обязательны ежедневные обтирания комнатной водой, в любую погоду утренняя гимнастика для старшей группы проводится на открытом воздухе.

Нелегко воспитательнице овладеть вниманием малышей, приучить их четко, ритмично выполнять упражнения, стройно маршировать. Руководительница старшей группы А. П. Хорева может быть довольна успехами в физкультуре многих ребят. Особенно радуют выправка, гибкость и плавность движений ребят. Толя Крючков, Зоя Камашкина, Валя Чупрунова, Вова Аникушин, Витта Пащенкова очень любят спорт. В этом году они впервые сядут за парту в школе, где, надо ожидать, еще больше разовьют свои способности.

Питомцы дома № 27 — это дети погибших фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны, одиноких и больных матерей. Они нашли здесь вторую семью, любовь и ласку.

Игра в мяч началась.

Перед спортивными занятиями.

Физкультурник В. Сергеев выполняет упражнения на турнике.

Тренер Владимир Леонов, сидевший у микрофона, объявил:

— Вольные движения. Выступает Лида Бавыкина.

Бавыкину проводили дружными аплодисментами. Большой круглый зал спортивного клуба общества «Крылья Советов», до отказа заполненный людьми, в этот вечер особенно щедро воздавал по заслугам выступавшим спортсменам. То и дело слышались возгласы одобрения и снова аплодисменты. Причину такой повышенной возбудимости зала не трудно было понять. Это был вечер показательных выступлений физкультурников, занимающихся в секциях клуба, и в зале сидели их же товарищи из секций, с заводов, из техникумов, любители спорта, да к тому же хорошо знавшие выступавших гимнастов, акробатов, боксеров, борцов, тяжелоатлетов...

Слесарь-сборщик Михаил Иванов, техник-конструктор Игорь Соколов, копировщица Галина Разумова, студентка техникума Тамара Коржова... Выверенный до

руководством опытных тренеров.

На Ленинградском шоссе привлекли к зданию под большим куполом с фигурами двух мускулистых атлетов у входа.

Это клуб спортивного общества «Крылья Советов». Дверь его беспрерывно хлопает. С чемоданчиками в руках в вестибюль входят физкультурники, сдают пальто на вешалку и исчезают за дверьми, на которых читаем таблички: «Зал бокса», «Зал штанги», «Зал борьбы», «Гимнастический зал».

Что же за этими дверьми?

Вот зал бокса. Несколько десятков человек под руководством тренера Бирюкова работают со снарядами. Глухо звучат удары перчаткой о грушу. В углу — ринг. За канатом — две пары. Здесь настолько поглощены своим делом, что посторонних не замечают. Вот мимо нас в характерной боксерской стойке проходит, преследуя невидимого противника, молодой боксер. Это слесарь Борис Кузнецов. Менее чем за год занятий в секции он настолько успешно овладел искусством бокса, что занял первое место в первенстве Москвы прошлого года по второму разряду.

Секция бокса — одна из наиболее многочисленных в клубе: в ней около 200 человек. Широко известны имена воспитанных в клубе боксеров — мастеров спорта Бориса Тишина, участника международных встреч Бориса Степанова, Виктора Лукьянова. Команда боксеров клуба — победитель первенства Москвы 1951 года.

Надцати в клубе очень оживленно. Более восьмидесяти человек одновременно занимаются в гимнастическом зале — большом помещении, которым по справедливости гордится клуб. Десятки гимнастических снарядов, маты, ковры — здесь есть все, что нужно для тренировки гимнасту, акробату, легкоатлету.

В часы вечерних занятий гимнастический зал поражает пестротой. Рядом со сложившимися спортсменами, замечательной парой силовых акробатов В. Фроловым и В. Марченко, тренируется юная Рая Борисова. В противоположном углу гимнасты. В центре зала старший тренер В. Антипас показывает элементы вольных упражнений, кто-то работает на кольцах, очередь у перекладины и брусьев. Часом раньше здесь тренировались легкоатлеты — бегуны, прыгуны.

Клуб культивирует двадцать видов спорта. Помимо тех, о которых мы уже говорили, наиболее популярны парусная секция, секция академической гребли, горнолыжная.

Клуб вырастил сотни перворазрядников, воспитал замечательных мастеров. Здесь день за днем молодежь совершенствуется, оттачивает свои спортивные навыки, и без риска ошибиться можно сказать, что среди этой оживленной, жизнерадостной, сильной спортивной молодежи есть будущие мастера советского спорта.

Е. РЖЕВСКАЯ

В бакинском подгруппе лучше всего играли хозяева поля — футболисты спортивного общества «Нефтяники». На втором месте — команда «Буревестник» (Кишинев), на третьем — «Торпедо» (Горький).

С наименьшим успехом среди мастеров класса «Б» выступали в предварительных играх команды «Спартак» (Ашхабад), «Торпедо» (Сталинград) и киевского Дома офицера: они заняли в своих подгруппах последние места.

Финальные игры между командами мастеров класса «Б» начнутся в июле. Коллективы, занявшие первые три места в своих подгруппах, съедутся в Ленинград, где разыграют между собой первые девять мест. Первые три команды получат право играть в 1953 году в классе «А».

Последующие места будут определены в состязаниях остальных команд, которые проводятся в городе Горьком.

Е. ВАСИЛЬЕВ

СОРЕВНОВАНИЯ СИЛЬНЕЙШИХ ТЕННИСИСТОВ

Теннисисты провели первые крупные соревнования летнего сезона. В двух городах — Ленинграде и Таллине — вышли на корт лучшие мастера ракетки. Последние годы проходят у теннисистов в отшлифовке активного, атакующего стиля, и сорев-

КОРПИОНЫ

Рисунки Е. Ведерникова

бой, ведут свой род от скорпионов.

Во всяком случае, вопрос о том, как избавиться от скорпионов, заставил сильно призадуматься диарбекирцев, не исключая, очевидно, даже самого Бекира. Да, откуда появилась эта ядовитая нечисть? Сказать, что они вырастают из земли, нельзя. Сказать,

что падают с неба, тоже нельзя... Одно время думали, что они родятся от незаконного скрещивания змей с осами... Но особенно этому не верили, и все только посмеивались...

Однажды какой-то звездочет с птичьим умишком написал в диарбекирском календаре за 1902 год следующую чепуху:

«Скорпионы выводятся из баклажанных семян...»

Пусть будет так, но вопреки этой выдумке, еще более нелепой, чем гадание, огородники Диарбекира не отказались от выращивания баклажан, а беднота — от их употребления. Еще бы! Если бы зимой запретили есть фасоль, а летом — баклажаны, чем бы тогда питался наш народ?

Таким образом проходили годы. Как-то случилось, что утром в кавалерийской казарме на груди солдата, который мечтал во сне о том, как он завтра получит отпусковой билет, нашли скорпиона, крупного, как рак. А сколько грудных младенцев, мирно спавших в своих пеленках, просыпалось по ночам со страшными воплями и погИБало после этого! А однажды скорпион ужалил даже имама мечети Улуджами, когда он во время намаза в пятницу говорил проповедь и дошел до места: «Да не даст Аллах скончания нашему правительству...»

Наконец какой-то скорпион-повеса взял да и поцеловал дочку губернатора. Щека моментально

вспухла. Девушку каким-то образом спасли, но губернатор был вне себя от гнева. Он сейчас же договорился с директором сельскохозяйственного правления, они вместе придумали ассигнования, и вот от имени вилайетского правления вышло постановление:

«Каждому, кто принесет скорпиона, живого или мертвого, детеныша или матку, выдается 20 пиастров...»

Эх, лучше этого ничего и не придумаешь! Люди, которые работали слугами только за еду, сейчас же бросили свою работу. Вдовствующие женщины, стирающие белье офицерам по 10 пиастров за штуку, не развернув даже газетных свертков с грязным бельем, отослали их назад. Почтальоны и некоторые учителя, которым не хватало жалования даже для того, чтобы владеть полугодное существование, начали думать об отставке, но так как они не были твердо уверены в том, что до конца своих дней смогут прожить за счет сбора скорпионов, то пока остались на своих местах.

Одним словом, все похватали щипцы, понацепляли на руки корзинки и высыпали на дороги...

Теперь по вечерам сельскохозяйственное правление нельзя отличить от центрального банка. Сдача скорпионов происходит очень оживленно. Особенно отличаются крепостные крестьяне родовитых беев. Как ловцы креветок, хватают они пальцами сразу по нескольку штук. Невозможно пересчитать всех, кто заработал в день до пяти лир...

После трех, четырех, пяти дней сбора скорпионов крестьяне выплачивали подорожный налог и спаслись от тюрьмы. Прежде всего они начали выкупать конфискованные скатерки, коврики, кастрюльки... Всю неделю на городском базаре наблюдалось невиданное оживление. На этот раз крестьяне — эти не пьющие и не едящие земные ангелы, которые, кто знает, со времени какой свадьбы, не проходили через кварталы, где продают рис, сахар, башмаки, материю и готовое платье, — дали себе волю... Некоторые даже разорились на подарки: матери — хну, жене — пестрый платок, а дочери — смолку для жевания.

Но счастье мелькнуло и улетило: не прошло еще и двух недель, как власти начали строить козни. Вышло новое постановление:

«Скорпионы с оторванными руками и ногами не принимаются!»

И тотчас же вслед за этим условия стали еще строже:

«За тех скорпионов, у которых раздавлены хвосты или головы, денег не выдавать!»

Слесарь Ахмед был вне себя от гнева:

— Что они, закуску к водке из них делают, сволочи? Как же можно убить этого гада, если ему нельзя раздавить голову или оторвать лапы и хвост?.. Не стать же самому скорпионом и ужалить его!..

Нельзя сказать, чтобы у Ахмеда не было причин говорить так. Ибо с того самого дня, когда началась борьба, он закрыл свою мастерскую и принялся вовсю за дело...

Если попробовать написать биографию Ахмеда, то не выдержит перо. Вкратце она такова.

После того как Ахмед отсидел шесть месяцев за контрабанду на сирийской границе и потом еще два с половиной года за ограбление дома, к которому подобрал ключи, он дал зарок вести честную жизнь. И вот с тех пор он принялся за слесарное дело, открыв небольшую мастерскую. Теперь он стал починять замки. Да разве это ремесло не осталось ему в наследство от отца?

Весь свой заработок Ахмед убивал на гашиш. Этому он научился в тюрьме. Дело в том, что за один грамм отравы, именуемой гашишем, берут целую горсть денег. А тот, кто к ней уже привык, может остаться без кальсон, но без нее жить не может... Вот почему Ахмед с жаром принялся за скорпионов и несколько дней подряд обеспечивал себя пропитанием. Власти подпортили дело, но Ахмед не сдался. Он начал скупать по одному, по два пиастра забранных скорпионов и починять их... Чем он это делал, башмачным ли клейстером, резиновым

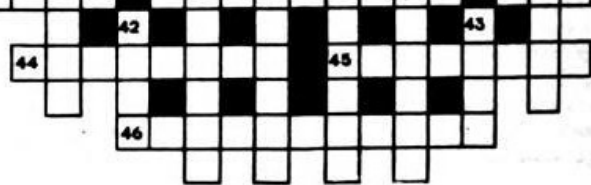

клеем или обыкновенным, — это неизвестно. Во всяком случае, он делал это тайком, и скорпионов, которых он починял так, что заплатку разглядеть было невозможно, ему удавалось сбывать в правление по прежней цене...

Потом в городе начали ходить дурные слухи... Ахмед и чиновник, принимавший скорпионов в правлении по «борьбе», частенько начали вместе выпивать. Начали поговаривать о том, что они стали компаньонами, ремонтируют искалеченных скорпионов и затем вновь пускают их в продажу. Нашлись даже такие, которые утверждали, что Ахмед заделал у себя в комнате все щели, вплоть до замочной скважины, и разводит скорпионов...

В действительности же дело до этого, может быть, и не дошло, а

приступают к жатве раньше
ков и косарей. Первый вино-
едят они. Случается, что и с
и начинают бороться. Устраи-
тся облавы. Но разве можно
их крестьян заставить расходи-
свои деньги на порох и
бь, если им нужен ситец? Они
идут на облаву, за что пра-
льство сажает их в тюрьму.
не проходит, скажем, и двух
й, а они говорят: «Кончились
юны!» И борьба прекращает-
С другой стороны, гусеницы,
пчелы, набрасываются на пре-
ные деревья... На это не об-
ается никакого внимания.

легких у нас гнездится тубер-
из, в селезенке хозяйничает
ария. Вши, кроме наших до-
ползают в школах, в казар-
в трамваях и автобусах...

спросите: разве с этим не
ется борьба? Ведется. На сте-
ешают плакаты, устраиваются
ции, в деревни посылают бро-
ры. Но только и всего... А всей
жалкой мишуре дается на-
ие «борьба» или «националь-
дело». Со времени республи-
е было такого «дела», куда бы
ящие господа не сунули сво-
Остапко за работой» и две страни-

станочков. Они будут разосланы на пасеки
пчеловодам-опытникам для искусственного
осеменения пчелиных маток.

На снимке: Н. П. Смараглова у скон-
струированного ею станочка проводит ис-
кусственное осеменение усупленной пчели-
ной матки.

Вл. МИНКЕВИЧ,
А. СМЕРНОВ

В этом номере помещены репро-
дукции картин Х. А. Якупова
«И. В. Сталин в туруханской ссылке»,
И. С. Остроухова «Березы. Осень»,
В. И. Сурикова «Художник И. С.
Остапко за работой» и две страни-

По горизонтали:
5. Союзная республика. 9. Твердая смола. 10. Одинаво-
вость напряжения, давления. 11. Патристическое стихотворе-
ние И. С. Никитина. 12. Декабрист. 14. Обязанность. 18. За-
ключительная торжественная картина спектакля. 21. Видоза-
менение, разновидность. 22. Название французской газеты.
23. Крупнейший остров Малайского архипелага в группе
Больших Зондских островов. 24. Книга или тетрадь для сти-
хов или рисунков. 25. Листовое железо, покрытое тонким
слоем олова. 26. Род мелкой черноморской рыбы. 27. Порт
на Черном море. 30. Наливное судно. 32. Противодие.
33. Резкие короткие частые звуки, напоминающие треск.
34. Авторитетный специалист, дающий заключение по како-
му-нибудь вопросу. 37. Город во Франции. 38. Масса, упо-
требляемая в скульптуре. 41. Род музыкального произведения
для одного голоса. 44. Печь для плавления чугуна. 45. Ука-
затель. 46. Гетман Украины, политический и военный дея-
тель XVII века.

По вертикали:

1. Защитник на суде. 2. Почтовое отправление. 3. Яркая
звезда. 4. Лекарственное вещество. 5. Растение семейства
зонтичных. 6. Благородный газ. 7. Духовой инструмент.
8. Область искусства. 11. Промкоговоритель. 13. Ягода.
15. Вводная часть тригонометрии. 16. Сладкое кушанье.
17. Наша звездная система. 19. Чешский композитор.
20. Часть произведения, выделенная из целого. 28. Вещество,
приготовленное для исследования. 29. Серный молчади.
31. Работающий в паре с другим. 35. Прочный огнеупорный
и водонепроницаемый кирпич. 36. Гриб. 39. Параграф в юри-
дическом документе. 40. Тонкая, скрытая насмешка. 42. Плод.
43. Сильная жара.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 24

По горизонтали:

5. Киргиз. 6. Гончар. 9. Конотоп. 11. Утюжок. 13. Озеро.
15. Минин. 18. Пахра. 19. Горизонталь. 20. Дубровский.
22. Постановка. 24. Старт. 25. Памир. 30. Архитектор. 32. По-
казатель. 35. Понедельник. 36. Автол. 37. Антей. 39. Синус.
41. Витерит. 42. Туполов. 43. Латвия. 44. Шибобев.

По вертикали:

1. Тихов. 2. Диапозитив. 3. Полуостров. 4. Батов. 7. Поми-
Б. 9. 13. 15. 16. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46.

Материал, защищенный авторским правом

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ
ВНУТРИ
ВНЕШНЕГО
ПОДДЕРЖИВАЮТ ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ
ОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

**ПРИБОРЕТАЙТЕ
ОБЛИГАЦИИ**

ГОСУДАРСТВЕННОГО

3%

**ВНУТРЕННЕГО
ВЫИГРЫШНОГО
ЗАЙМА**

**ВЫИГРЫШИ
ПО ЗАЙМУ**

**ОТ 400 ДО
100.000
РУБ.**

И СВОБОДНО ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ

Н.Н.52

ЦЕНА 3 РУБ.

